

INSPIRIA

АННАБЕЛЬ ЭББС

Ружа

18+

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ
ЛЕДИ ЧАТТЕРЛЕЙ

INSPIRIA

Аннабель Эббс
Фрида
Серия «Novel. Исторические
романы Аннабель Эббс»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69144190

*Фрида:
ISBN 978-5-04-185965-7*

Аннотация

Подлинная история леди Чаттерлей.

Это история женщины, вдохновившей Дэвида Герберта Лоуренса на создание скандального романа «Любовник леди Чаттерлей». Это необыкновенная судьба Фриды фон Рихтхофен и печально известная любовная связь, ставшая синонимом идей сексуальной свободы.

Она оставила мужа, детей, статус в обществе ради молодого начинающего писателя.

Ее страсть вдохновила его на самый скандальный роман «Любовник леди Чаттерлей».

Она и есть... настоящая леди Чаттерлей.

Германия, 1907. 19-летняя Фрида фон Рихтхофен выходит замуж за уважаемого в обществе профессора английского языка Эрнеста Уикли. Их интимная жизнь с первой брачной ночи разочаровывает Фриду.

После нескольких лет брака и рождения троих детей молодая женщина едет навестить сестру в Мюнхен, охваченный идеями свободной любви. Там Фрида заводит страстный роман...

«Захватывающий портрет женщины, которая отказалась идти на компромисс в том, что действительно важно: быть известной, любимой и любить». – ПОЛЛИ КЛАРК, британская писательница

«"Фрида" – надтреснутый голос матери, жены, любовницы, музыки, женщины. Голос, взывающий к борьбе за внутреннюю эмансипацию и необходимую сексуальную революцию. Роман – соитие самой природы, громкое биение жизни. Это художественная биография Фриды фон Рихтгофен и Дэвида Герберта Лоуренса, чьи души моментально врастают друг в друга. Воспарившая птица и бутон, обращенный к теплотворному свету. Вы будете горячо любить, тихо осуждать, страстно ненавидеть и бесконечно задаваться вопросом: такой ли должна быть цена свободы?» – КАТЯ ОБРИЗАН, книжный блогер

Содержание

Часть I	7
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	35
Глава 7	39
Глава 8	43
Глава 9	48
Глава 10	54
Часть II	60
Глава 11	60
Глава 12	63
Глава 13	70
Глава 14	76
Глава 15	80
Глава 16	86
Глава 17	91
Глава 18	94
Глава 19	98
Глава 20	103
Часть III	107

Глава 21	107
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Аннабель Эббс

Фрида

Annabel Abbs

FRIEDA: THE ORIGINAL LADY CHATTERLEY

© Annabel Abbs, 2021

Cover © Crow's Eye Productions / Arcangel

© Таулевич Л., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «ЭКСМО», 2023

*Моей дочери Имоджен, которая всегда и всюду
остается собой*

*Ты знаешь, что я бы умер за тебя.
Эрнест Уикли, письмо к Фриде Уикли, 1912 год*

*Любовь к тебе будет жить, как и прежде,
сильнее, чем прежде, и если ты вернешься, пусть
много лет спустя, даже если угаснет моя надежда,
знай: я – твой.
Отто Гросс, письмо к Фриде Уикли, 1907 год*

*Если бы она меня бросила, я бы и шести месяцев
не протянул... Господи, как я люблю ее и эту муку.
Д. Г. Лоуренс, письмо к Эдварду Гарнетту, 1912 год*

Часть I

Ноттингем, 1907

Нет худшей трагедии для женщины, чем понять, что в ее жизни чего-то не хватает: вероятно, самого главного... Как страшно осознавать, что умрешь, не выполнив своего предназначения.

ДЭВИД ГЕРБЕРТ ЛОУРЕНС, «ПОДЛИННАЯ ЛЕДИ ЧАТТЕРЛЕЙ»

Глава 1

Фрида

Уже потом, когда разразился скандал и газеты превратили ее в парию, она мысленно вернулась назад и вспомнила день, когда все началось. И даже точную минуту. Временами это мгновение вставало перед глазами с головокружительной ясностью, будто фотография. Тринадцать лет семейной жизни и трое прелестных детей сливались в одну картинку. И Фрида задумывалась, как нечто столь грандиозное могло прорасти из такого пустяка.

День начался чрезвычайно волнующе. Вспыхнуло розовым огнем небо, взорвались листвой серебристые березы, в

росистой траве замерцали желтые блески чистотела, пробившегося из черной земли. Дети носились по дому, вопя: «Тетя Нуш едет из Берлина!» Монти скакал по дивану, Эльза размахивала длинными лиловыми бусами, и даже Барби во время завтрака стучала ложкой по столу, крича:

– Нуш едет!

Миссис Бэббит все утро что-то чистила, драила, вытирала пыль. Монти с Барби насобирали примул и колокольчиков, а Эльза расставила их по дому в баночках из-под варенья. Фрида испекла *Apfelkuchen* и щедро посыпала изрытую кратерами корочку пирога корицей и сахарной пудрой. Даже Эрнест, который обычно не выходил из кабинета, неприкаянно слонялся по дому, тыча пальцем в угольную пыль, осевшую на подоконниках, и отковыривая от плитусов облупившуюся краску.

К полудню, когда должна была прибыть Нуш, погода переменилась. В окна сердито застучал дождь, и небо словно расколосось надвое: одну половину затянули тучи, а вторая оставалась молочно-голубой. Эрнест отправился на вокзал встречать Нуш, взмахнув перед уходом свернутым зонтом и воскликнув:

– Смотрите, не ослепните от блеска ее драгоценностей!

Он театрально прикрыл глаза, и все засмеялись, а Фрида преисполнилась смутной гордости.

Картина, увиденная час спустя, навсегда запечатлелась в ее сознании. Нуш выбралась из двуколки, приподняв подол

и выставив на всеобщее обозрение изящные кружева нижней юбки и дорогие кожаные башмаки с резными каблуками и жемчужными пуговками. Отряхнув с дорожного костюма пыль и песок, она оглядела невзрачный дом с простыми кирпичными стенами, узкой входной дверью и крошечным садиком и сказала:

– О господи, бедняжка!

У Фриды не хватило духу возразить, и она повела сестру в гостиную, весело рассказывая о программе развлечений: прогулка по Шервудскому лесу, экскурсии в Ньюстедское аббатство и Уоллатон-холл.

Она прижалась к стене, чтобы пропустить Эрнеста с чемомоданом сестры, и вдруг замерла, точно громом пораженная. Нуш, задрав голову, громко втянула носом воздух, будто подхватила простуду или грипп. Затем как бы подавила слабый рвотный позыв, сунула руку в перчатке в ридикуль, вытащила носовой платок и прижала ко рту.

– Дети насобирали для тебя полевых цветов, – сказала Фрида.

Еще не договорив, она поняла, что их семейный очаг вызывает у сестры стойкое отвращение, и никакие первоцветы Ноттингема не в силах заглушить въевшийся в стены запах вареных костей и кухонного газа. Она указала рукой путь в гостиную и внезапно увидела свой дом глазами Нуш: дешевые хлопчатобумажные шторы с окантовкой не в тон, вздувшаяся краска на стенах, почерневший от сажи узорчатый

абажур. Даже собственноручно вышитые накидки на подушечки с алыми розами и лилиями в слоновую кость выглядели слишком неприятными и простенькими.

Нуш оглядела комнату, брезгливо скривив губы и изогнув брови, и приподняла юбки, ступив на лысеющий ковер, словно опасалась, что на нее накинута блоха или крыса. Придирчиво обследовала диван, вытерла носовым платком и опасливо присела на краешек. Ее взгляд вновь скользнул по комнате, отметив поднимающуюся от пола сырость, скудный очаг и дипломы Эрнеста в рамочках, гордо красующиеся на стене.

– Тебе не следовало выходить за него, он тебе не ровня. Его наглость...

Фрида уже хотела вступить за Эрнеста и тут вдруг заметила в зеркале над очагом свое отражение: волосы скручены в растрепанный пучок, на лбу полоска корицы, поплывшие щеки не нарумянены, к губам приклеена натянутая улыбка. Почему она не умылась? И можно ведь было заколоть волосы изящными расписными гребешками, которые Эрнест подарил ей на свадьбу! А это клетчатое платье со слишком тесным после троих детей воротничком и бесформенной старомодной юбкой! Нужно меньше думать о пирогах и больше следить за собой.

Когда с улицы ворвались дети, капая дождем со шляп и мокрого платья, она с облегчением повернулась к двери.

– Раздевайтесь и высушите волосы, не то намочите тетю

Нуш, – весело скомандовала она, прогоняя детей слишком небрежным взмахом руки.

– Их так взбудоражил твой приезд, дражайшая Нуш. Они хотят расспросить тебя о своей двоюродной сестричке. Как жаль, что ты не смогла взять ее с собой!

– Путешествия и дети несовместимы, – хохотнула гостья. Она подалась вперед и слегка понизила голос.

– С тех пор как я сошла с корабля, никто не бросил на меня заинтересованного взгляда. Что случилось с английскими мужчинами?

– Они сдержанны, а ты слишком привыкла к военным. Но у меня есть для тебя кое-что получше: собственноручно испеченный пирог.

Скорее бы миссис Бэббит подала чай! Добрый кусок пирога придаст сил не замечать насмешек сестры; у Фриды потекли слюнки.

– Дети прелестны, несмотря на мокрые волосы. Они даже слишком очаровательны для отпрысков Эрнеста.

Нуш встала и расправила юбки; Фриду поразили безупречный наряд сестры; новенький, с иголки, дорожный костюм с чересчур блестящими пуговицами и роскошными перьями цапли выглядел неуместным в их тесном, непритязательном доме.

Позже, когда Ида увела детей, а миссис Бэббит подала чай и вышла из комнаты, Нуш откашлялась и сообщила:

– Все женщины с современными взглядами в Берлине

и Мюнхене имеют любовников.

Она с напускным смущением опустила глаза в чашку.

– Даже баронесса должна быть соблазнительной, иначе она никто. Я не намерена быть ничтожеством.

– Ты не ничтожество. И у тебя есть все, – возразила сбитая с толку Фрида.

– Я говорю не о себе. Как бы то ни было, мы, баронессы фон Рихтхофен, не созданы для скучной жизни. Нам это противопоказано.

У Фриды сдавило грудь, словно ее стянули металлическим обручем.

– Моя жизнь вовсе не скучная, – сказала она, указывая тяжелой, негнушейся рукой в окно.

В саду играли дети, и Фрида хотела показать Нуш, как они ее радуют. Но в голове настырно зудел тоненький тихий голосок, отвлекая от действительности: тоска, скука, ничтожество...

– Тебе следует навестить Элизабет в Мюнхене. Богемное кафе, где собираются анархисты и художники, обсуждающие свободную любовь, и твоя сестра в самой гуще событий. Я предпочитаю военных, а вот тебе, я думаю, понравится. Ты всегда отличалась радикальными настроениями.

Нуш сделала паузу, пристально разглядывая свои униженные кольцами пальцы.

– Помнишь, как ты мочилась под грушу в отцовском саду? Ты задирала ногу, как собака. Бесстыдница!

Фрида откусила большой кусок пирога, пытаясь придумать достойный ответ. Нуш облокотилась на подушки и вновь заговорила о прошлом.

– Всегда поражалась, как ты не утонула, когда наш папаша бросал тебя в это озеро. Помнишь? Он прыгал с этого шаткого мостика, а ты цеплялась за него, как обезьяна... Да еще голые солдаты, которые там купались!

Подведенные брови сестры подпрыгнули и опустились.

– Мать ему запрещала, да что с него возьмешь. Тебе вправду нравилось? Или ты делала это в угоду старому мошеннику?

– Ладно тебе, я была маленькая.

– Он так отчаянно хотел наследника. Думаю, старый дурень надеялся превратить тебя в мальчишку!

Нуш сдернула с колен салфетку и бросила на стол.

– И вот ты здесь. Счастливая английская женушка!

Она потянулась и зевнула. Фрида размазывала по тарелке *Apfelkuchen*, наблюдая, как пирог рассыпается в бесформенную кучку желтых крошек и кусочков яблока. Когда в тишине резко щелкнула дверь и появился Эрнест – сутулый, с жидкой прядью светлых волос, упавшей на глаза, – она почувствовала неожиданное облегчение.

– Нуш советует мне навестить Элизабет в Мюнхене.

– Пока материнство не превратило ее в полную зануду, – кокетливо покачала плечами Нуш, и бриллианты в ее ушах пустили по столу стайку солнечных зайчиков.

– Почему бы и нет? – спокойно кивнул Эрнест. – Мы с миссис Бэббит справимся, а Ида присмотрит за детьми.

– А ты не хочешь поехать со мной, милый? – Фрида потянулась к руке Эрнеста, холодной и сухой, как пергамент.

Он редко позволял миссис Бэббит разжигать камин в своем кабинете, всегда экономил на себе.

– Мы могли бы посетить салон Элизабет и походить по театрам. Ты ни разу не отдыхал с тех пор, как мы вместе.

Он энергично помотал головой.

– Не могу, я занят. Поезжай сама.

– Одна?

Фриду охватило радостное возбуждение. Она еще никогда не оставляла детей, хотя Монти уже исполнилось семь, Эльзе – пять, а Барби – три года. Неужели это возможно? Она бросила взгляд на сестру. Нуш хладнокровно смотрела на нее, чуть склонив голову, будто кошка, узревшая мышь.

– Да, Фрида. Вернись к нам, пока не поздно.

– Гм, «поздно»... да, чрезвычайно любопытна этимология этого слова.

Эрнест замолчал и провел большим пальцем по усам.

– Скорее всего, оно берет начало от индоевропейской основы и восходит к латинскому *post* – после, потом, и является родственным современному английскому *past* – прошлый, прошедший. Производные: после, потом, опаздывать...

– Ну да: «завтра, завтра, не сегодня...» – фыркнула смешком Нуш, поправляя гребни из слоновой кости в гладко при-

чесанных золотистых волосах.

– Когда у тебя трое детей, не так-то легко путешествовать в свое удовольствие. У тебя только один ребенок, так что тебе не понять, – уязвленно отвернулась Фрида.

Оконные стекла нервно задребезжали от острых капель дождя.

– Возможно, я все-таки съезжу в Мюнхен одна.

Сказав это, она почувствовала себя мятежницей.

– Да, пожалуй, поеду.

Глава 2

На следующий день Нуш объявила о своем намерении вернуться в Берлин раньше. Они шли домой через поля. Фрида обожала этот прогулочный маршрут из-за диких амелистовых орхидей, которые цвели здесь каждую весну. Сестру выводила из себя грязь, которая может испачкать ее кожаные сапожки и шелковые чулки. Вместо того чтобы любоваться орхидеями, она не сводила глаз с серой линии дымящего трубами горизонта.

– Ты же только что приехала, – обиделась Фрида. – Я запланировала несколько поездок. Англия весной прекрасна: вся природа расцветает, молоденькие листочки, ягнята на лужайках.

– Знаю, знаю, только мой любовник требует, чтобы я вернулась. Мы сейчас с трудом переносим расставания, – хихикнула Нуш и с деланным смущением прикрыла рот рукой.

Фрида оторопела: выходит, это и есть настоящая причина ее визита. Не повидать сестру или племянников, а похвастаться любовником.

– Мы встречаемся каждый день в наглухо занавешенной карете и ездим туда-сюда по Унтер-ден-Линден, пока не выбьемся из сил. Он страстен, ненасытен и безумно в меня влюблен. Наверняка наши крики слышит весь Берлин.

Нуш покачала головой, затем понизила голос и добавила:

– Он обожает, когда я сверху.

Фрида подумала об Эрнесте, который уходил по вечерам в гостевую спальню и лежал на узкой кровати с тощим матрасом и Библией под подушкой. Он придумал кучу отговорок, чтобы спать отдельно. У Фриды якобы беспокойный сон, она слишком громко дышит, от ее веса прогибается матрас. А ему нужно хорошо выспаться, «особенно теперь, когда приходится кормить столько ртов». Поэтому он уходил спать в одиночестве. Фрида не собиралась говорить об этом сестре. Равно как и признаваться, что в жизни не была сверху. Нет, она не доставит Нуш этого удовольствия.

А еще... она любила ранние утра, когда дети врываются в комнату, прыгают по кровати, забираются под одеяло, выпрашивая сказку или затеявая бой подушками. Если бы они с Эрнестом спали вместе, это было бы невозможно. Внезапно ее охватило нездоровое любопытство.

– Надеюсь, у Элизабет нет любовника?

– Конечно есть! Ах, бедняжка, ты и понятия не имела, правда? У нее самый необыкновенный любовник, известный на весь Мюнхен. Они исповедуют свободную любовь. Уж им-то карета со шторами без надобности!

– Ч-что?

Фрида потрясенно открыла рот. Элизабет, в числе первых женщин в Германии поступившая в университет, получившая докторскую степень и «мужскую» работу, вышедшая замуж за серьезного очкарика Эдгара! Нет, это уж чересчур.

Нуш все врет.

– Мюнхен – храм свободной любви. Элизабет – новообращенная.

– И что же делают эти новообращенные?

Фрида почувствовала, что ее лицо вспыхнуло. Краснота спустилась под платье, все тело горело.

– Обмениваются любовниками. Ничего не скрывают. Открыто спят кто с кем хочет. Мне лично импонирует этот трепет, когда делаешь что-то предосудительное. – Нуш взглянула на Фриду из-под ресниц. – Разве тебя это не искушает? Эрнест такой сухарь.

– Я думала, Элизабет страшно занята своими суфражистками, двумя особняками, салонами и разбазариванием денег Эдгара, – возмутилась Фрида, которой внезапно расхотелось слушать о свободной любви и о поклонниках сестер.

– Да, она много работает в Федерации немецких девушек, но находит время и для удовольствий. Ты познакомишься с ее любовником, если поедешь в Мюнхен. Стоит поехать только ради того, чтобы его увидеть.

Нуш остановилась и принялась – как тогда, в холле.

– Что за ужасный запах?

– Ветер сегодня дует со стороны фабрик. Возможно, аммиак, или сера, или зольные ямы, или скотный рынок. Зато посмотри на деревья. – Фрида запрокинула голову, любясь пыльными сережками и клейкими листочками, похожими на миниатюрные зеленые зонтики. – Разве они не прелестны?

Нуш поднесла к носу платок и помахала рукой.

– Элизабет не понимает, почему ты не хочешь открыть салон. Она принимает гостей каждую неделю – то в Мюнхене, то в Гейдельберге. Я ходила в прошлом месяце. Выступали Макс и Альберт Веберы. Аудитория гудела от возбуждения, я едва слышала собственные мысли. Тебе бы понравилось.

Нуш опустила носовой платок и вновь опасно принюхалась.

– Она писала тебе о братьях Вебер? Макс – гений, и у него множество последователей. Элизабет убеждена, что его идеи изменят мир. По ее словам, все самые потрясающие идеи исходят сейчас из Мюнхена или Гейдельберга. По-видимому, Англия себя исчерпала.

Фрида пыталась успокоить пустившиеся вскачь мысли, глядя на пробивающиеся из земли фиалки и одуванчики, на крахмальные белые розетки терновника, на птиц, взмывающих в небо. Единственный способ выстоять – сосредоточиться на окружающей красоте, и тогда голос сестры смолкнет. Но перед глазами вставали то Нуш в занавешенной коляске с задранными выше головы бархатными юбками, то Элизабет, внимающая дискуссиям великих людей.

– Да, Элизабет часто пишет мне о Максе Вебере, о его книгах и статьях, – спокойно произнесла она, а про себя подумала: «Только о свободной любви никогда не писала».

– Макс и его брат Альберт всю ночь не давали мне уснуть, рассуждая о связи интеллектуального с эротическим. Я не

поняла ни слова, но братья Веберы во всем прислушиваются к мнению Элизабет. Она говорит, что благодаря ее салонам началась новая эпоха – эпоха свободы.

Нуш громко откашлялась и взмахнула рукой.

– А может, тебе устроить салон здесь?

– Для кого? В Ноттингеме нет ни философов, ни поэтов, – ответила Фрида. – Мы тут живем спокойно.

«Чересчур спокойно», – подумала она и вновь вспомнила недавние слова сестры: *скука... ничтожество... пока не поздно.*

– Элизабет с Эдгаром каждый вечер обсуждают произведения Льва Толстого, если только она не с любовником. Эдгар во всем с ней советуется. Вы с Эрнестом тоже можете. Он ведь обсуждает книги со своими учениками, а ты чем хуже?

Фрида вздохнула. Разумеется, она делала все, что могла. Она пыталась обсуждать с мужем Шекспира, Стендаля и других авторов, книги которых читала одинокими вечерами. Ей хотелось поделиться своим пониманием героев, их чувств и проблем. Но Эрнест либо начинал читать ей лекции о жанрах литературы, либо исправлял грамматику. В конце концов ему надоедало, и он уединялся в кабинете, а Фрида облегченно вздыхала.

– Он слишком занят подготовкой своего монументального труда по этимологии, – опустил глаза, ответила она.

– Меня от твоей жизни в дрожь бросает, бедняжка, – передернулась Нуш и тут же облегченно рассмеялась. – Слава

богу, я уже в эти выходные буду в Берлине!

Вечером Фрида забралась к Монти в кровать и обняла сына, вдыхая запах распускающихся почек и мыла. Глядя в темноту, она задумалась, каково это – быть хозяйкой салона в Мюнхене. Гул голосов, смех, толкотня, звон бокалов. Фруктовый пунш в хрустальных чашах, яркие лампы, горящие допоздна. И она сама, одетая в ослепительные шелка, с алыми маками в волосах, в самой гуще оживленных дебатов о будущем литературы. По позвоночнику пробежала дрожь.

Наутро после отъезда Нуш Фрида распахнула все двери и окна, как можно шире раздвинула шторы и подперла двери стопками книг. Комнаты залило светом, ворвавшийся в дом холодный апрельский воздух сдул с вешалки шляпы и разбросал по коридору бумаги Эрнеста. Когда Эльза спросила, что она делает, Фрида ответила:

– Хочу почувствовать в доме весну. Я уже забыла это ощущение.

– Но все же испачкается! – запротестовала Эльза.

Фрида ответила, догоняя улетевший лист бумаги:

– А ты не говори папе!

Глава 3

Монти

– *Mutti*, кто такие гунны? – шепотом спросил Монти.

Он не хотел, чтобы его слышали посторонние. Вокруг за столиками сидели дамы и джентльмены, а по залу кафе «Микадо» бегали туда-сюда официанты с пирожными, чаем и кофе на подносах.

– Что, любовь моя?

Мама оторвалась от книги. После отъезда тети Нуш неделю назад она много читала.

– Гунны. Это как монахи?

Монти взял очередной скон и начал выбирать из вазочки с клубничным вареньем ягоды и аккуратно выкладывать на булочку.

– Гунны – древнее воинственное племя. Свирепое и уродливое.

– А Барби назвали в честь варваров?

Он выстроил ягоды по кругу и потянулся за сливками.

– Барби – сокращение от имени Барбара, и оно не имеет ничего общего с варварами. Тебя что, дразнили в школе?

Монти задумчиво покачал головой. Он не хотел говорить маме, что старшие мальчишки обзывали его гунном и толкались, а потом отобрали ранец и подбросили так высоко, что тот открылся и книжки с тетрадками падали с неба, как ли-

стья с деревьев.

– Ты должен гордиться тем, что наполовину немец. Мы подарили человечеству великих мыслителей, к примеру этого.

Она указала на обложку книги. Это была история о человеке по имени Заратустра. Книга без картинок выглядела совсем неинтересной.

– Почему на нас так смотрят, когда мы говорим по-немецки?

– Понимаешь, сынок, – мама отложила книгу и налила себе еще чашку кофе из серебряного кофейника с крутящейся крышкой, – Германия стремится стать империей, а англичане привыкли, что империя – только у них. Они думают, что мы, немцы, становимся слишком сильными и могущественными. Англичане любят только себя.

Она бросила в кофе кусочек сахара и медленно размешала. Монти жевал и хмурился, пытаясь разобраться в маминих словах.

– Поэтому у тебя нет друзей?

Монти хотелось, чтобы она рассмеялась. Ему нравилось, когда мама смеется так сильно, что заколотые кудри вырываются на волю, а в зеленых глазах вспыхивают золотистые огоньки. Вместо этого она постучала по обложке книги и сказала:

– Почему нет? Господин Ницше – мой друг, Монти.

– Он скоро придет к нам на чай?

Мама долго не отвечала, поэтому Монти шумно проглотил крошки, прилипшие к деснам. Наверное, слова прилипли к ее рту, как крошки от скона. Он вновь громко сглотнул.

Фрида помолчала и вдруг выпалила на одном дыхании:

– Тебе уже семь, Монти, и я могу тебе сказать, только никому не говори, это будет наш секрет.

Монти кивнул и вытер испачканные кремом губы тыльной стороной ладони.

– Недавно я поняла, что во мне что-то растет и изо всех сил пробивается наружу. То, чем я могла бы стать. Трудно объяснить, *mein Liebling*.

Монти посмотрел на мамин живот и очень медленно кивнул. Ему не хотелось иметь еще одну сестру, а вот от братика он бы не отказался.

– Словно тайный огонь.

Она сделала паузу и приложила руку к груди, а потом к животу.

– Я боюсь умереть раньше, чем начну жить.

Монти сочувственно кивнул. Он знал, что некоторые женщины умирают родами.

– Я буду за тебя молиться, – сказал он, намазывая сливочным маслом новый скон.

– Мне помогает мой друг, мистер Ницше. – Она вновь взяла книгу. – И ты, Монти. Ты, Эльза и Барби.

Монти легонько похлопал маму по руке, как делал иногда отец. Его беспокоило, что единственный мамин друг сидит

в книге. Как может герой книги помочь родить ребенка?

– А папа знает?

– О чем, любовь моя?

Фрида подняла глаза от книги и рассеянно посмотрела на сына, как будто что-то читала, что-то очень сложное, а он мешал сосредоточиться.

– О том, что растет внутри тебя.

Монти дернул головой в сторону ее живота. Ему показалось, что живот вырос. И округлился.

– Пусть у нас будет секрет, Монти. Не стоило тебе говорить, но мне больше не с кем поделиться.

– А когда твой друг придет на чай?

Она улыбнулась и провела большим пальцем по его щеке.

– Господин Ницше давно умер, любовь моя.

Монти моргнул и стал жевать. Мама больше не читала. Она с отсутствующим видом уставилась в потолок, будто увидела там что-то страшно интересное, – очень уж долго сидела и смотрела. Он поднял голову, но ничего не увидел, даже паутины.

Глава 4

Эрнест

Эрнест решил вернуться из университета пешком. Дул пронизывающий ветер, моросил дождь, потемневшие булыжники на мостовой стали скользкими. Но ему нужно было время на размышления. После короткого визита Нуш Фрида ходила как в воду опущенная, и ему хотелось исправить ситуацию. Можно пройти через рынок и купить ей цветы. Вероятно, в цветочном киоске осталось немного тюльпанов. Или ранние гвоздики, кремовые и бледно-розовые. Пусть жена знает, что теперь они могут позволить себе настоящие цветы, культурные, выращенные специально на продажу. До сих пор Фрида предпочитала собирать жимолость с живых изгородей. Она даже рвала на лугу амброзию, несмотря на отвращение Эрнеста к сорняку, который, как известно любому английскому крестьянину, ядовит для скота.

– Мы не скот, дорогой, – смеялась она, – а цветы яркие и жизнерадостные.

Теперь этим занимались и дети. Тащили в дом вялые, поникшие полевые цветы. Расставляли по дорогим столам красного дерева банки с мутной водой. Сухие лепестки на полу. Пыльца на газете. Хорошо, что есть миссис Бэббит.

Мысли Эрнеста переключились на новую прислугу, снующую по дому: экономка, няня, садовник, который прихо-

дит косить газон. Он безуспешно пытался подражать жене, которая относилась к наемным работникам немного свысока и вместе с тем сочувственно. Эрнест завидовал и восхищался ее аристократической легкостью. Предпринимая неловкие попытки выглядеть столь же раскованно, он чувствовал себя не в своей тарелке и старался переложить общение с прислугой на плечи жены.

Ему нравилось думать о Фриде. Сколько у нее энергии! А удивительное свойство присутствовать в каждом уголке дома одновременно!.. Носится вверх и вниз по лестнице, как землетрясение. Конечно, все это отвлекало от работы, но в отсутствие жены он только о ней и думал.

После отъезда Нуш Фрида, казалось, утратила всю свою жизненную силу. Видимо, она почувствовала себя униженной из-за того, что Нуш выставляла напоказ свои роскошные костюмы и шляпки. Конечно, ее сестра сделала лучшую партию. Пусть старый, но богатый муж-аристократ с заметным дуэльным шрамом на левой щеке. О таком муже мечтал барон фон Рихтхофен для каждой из своих трех дочерей.

– Надо больше работать, – сказал себе Эрнест. – Взять больше часов в экзаменационной комиссии или попросить еще один класс в вечерней школе для рабочих. И тогда Фрида сможет заказать новую шляпу в Лондоне. С изысканным плюмажем по краю. С перьями белой цапли...

Когда Фрида играла с детьми, ее глаза так и сияли. Только вчера он пришел домой и увидел, что она лежит на полу с

разметавшимися юбками, болтая в воздухе крепкими ногами в чулках. Монти объяснил, что мама изображает велосипед. Неприлично и недостойно матери семейства, конечно. Но Эрнеста так обрадовал ее беззаботный смех, что он промолчал.

Его всегда удивляла глубина материнских чувств Фриды. Она любила детей с неукротимой энергией, которую Эрнест не вполне понимал. Глядя на жену, он осознавал свою внутреннюю слабость, погребенную под слоями опыта, который он приобрел на неуклонном пути к респектабельности, к положению джентльмена. Эта слабость, неопределенная, толком не сформулированная, мучила, как комариный укус под тесной одеждой.

Мимо, нарушив течение мыслей, прогрохотал малиновый трамвай. Эрнест поспешил к рыночной площади. На мгновение перед глазами встали пышные бедра супруги. Он потряхнул головой. Нужно подумать, что такого могла сказать Фриде ее сестра? Ему не особенно импонировало сочетание хищной злобы и кокетливого высокомерия Нуш. В ней было что-то безбожное. Что-то смутно аморальное. В сознании всплыли слова из Библии. *Даже в доме Моем Я нашел нечестие их, говорит Господь...* По крайней мере, Фрида усвоила моральные устои матери, а не бессовестную распушенность отца или сестры.

По рынку пронесся порыв ветра, играя полями его хомбургской шляпы и норовя выдернуть торчащий из нагрудно-

го кармана платок. Эрнест перехватил ручку зонта и оглядел оставшиеся открытыми киоски. Ни тюльпанов, ни гвоздик. Корзина с вялыми листьями щавеля и еще одна, с зелеными стеблями ревеня. Скелеты кроликов на прилавке; на костях остались кусочки полупрозрачной плоти.

– Скелет, – пробормотал он. – Происходит от греческого слова *σκελετός*: «остов, скелет», первоначально «высохший, сухой».

Эрнест поймал сердитый взгляд мужчины за прилавком и быстро отвернулся. Дождь припустил сильнее, нужно уносить ноги. Уже собравшись уходить, он заметил женщину, которая складывала в корзину вязанные крючком вещи.

– Я бы хотел купить кружев, – сказал он, стараясь, чтобы голос звучал уверенно и в то же время безразлично.

Женщина сунула ему кружевной квадратик мышинового цвета.

– Последняя мода в Лондоне.

Эрнест откашлялся. Квадратики походили на носовые платки, однако что-то подсказывало ему, что это не они. Для подставок или салфеток великоваты.

– Накидки на стулья. Там, где спинка соприкасается с головой, – пояснила женщина.

– Я возьму четыре.

Эрнест отвлекся и задумался о происхождении слова «четыре». Вероятно, от греческого *tetarēs*. Или латинское *quattuor*? А до этого? Мысли пронеслись сквозь языко-

вые хитросплетения ушедших времен – латынь, греческий, древнескандинавский, древнефризский...

Все еще думая об этимологии слова «четыре», он вдруг заметил, что стоит в прихожей и протягивает Фриде намочивший сверток с кружевами.

Она разорвала бумагу и с застывшей улыбкой посмотрела на кружевные квадраты.

– Ноттингемские кружева считаются лучшими в мире, – объявил Эрнест, испытывая прилив гордости.

Это была гордость за Англию, за империю и за себя – английского джентльмена, возвращенного им за годы брака. Он вел отсчет со дня своей свадьбы, когда увидел в глазах барона фон Рихтхофена неприкрытое сожаление.

Фрида бросила бумагу в мусорную корзину.

– Да, дорогой, – сказала она. – Наверное.

Она вышла из прихожей с поникшими плечами, будто одолеваемая смертельной усталостью. Да, надо отправить ее в Мюнхен. Пусть отдохнет от забот. Мюнхен – вот ответ на все вопросы.

Глава 5

Фрида

После визита Нуш Фрида постоянно вспоминала день, когда встретила Эрнеста. Чистя его шляпу, складывая зонты, полируя маленькое зеркальце, которое он держал у себя в кабинете, она закрывала глаза и представляла себе фонтан, где они впервые встретились. Она ясно помнила ощущение нагретого солнцем камня и упругого мха под пальцами. Эрнест, непринужденно опираясь на трость, рассматривал резной носик фонтана. Ей понравились задорно торчавшая в углу рта трубка, шелковый галстук-бабочка и лихо сдвинутое набекрень канотье. Он заговорил с ней по-немецки, потом по-французски и, наконец, по-английски. Это ей тоже понравилось – ум и утонченность.

Она бросилась домой и взахлеб рассказывала сестрам, какой он ученый – четыре университета, работает над множеством серьезных книг, а недавно получил должность профессора современных языков в английском городке с экзотическим названием.

– Он еще умнее, чем ты, – заявила она Элизабет.

Она не стала говорить ни о возрасте, ни о синих венах, бьющихся у Эрнеста на висках, ни о просвечивающем под ределяющими волосами блестящем черепе.

Когда мать сказала, что мистер Уикли просит ее руки и

хочет увезти в Англию, Фрида оторвалась от томика стихов и улыбнулась, вообразив себя женой-вдохновительницей, которая принесет в жизнь великого ученого легкость и радость. В свои восемнадцать лет, уверовав в его гениальность, она мысленно рисовала картины: они гуляют среди английских холмов, погруженные в дискуссию – философия, поэзия, политика, с легкостью переходя с одного языка на другой. Позже Фрида ощутила трепет победы над сестрами, поверив эту мысль одному только дневнику:

«Я первой выйду замуж, первой сброшу бремя девственности!»

– Конечно, он не нашего круга, – вздохнула баронесса. – С другой стороны, не требует приданого. Беднякам не до капризов.

Фриду деньги не волновали. Она хотела яркой жизни, приключений, разговоров, любви. Эрнест мог предложить ей все эти радости. А еще – Англия: само слово дышало тайной, славой, страстью. Она уже слышала зов земли Шекспира, Вордсворта и Байрона. Страна-королевство. Империя, которая простирается до самого края земли. *Державный остров... почти рай... драгоценный камень в серебряной морской оправе.* «Англия, Англия, Англия...» – вновь и вновь с трепетом повторяла она.

Позже, после знакомства с родителями Эрнеста в Дувре, во время которого его благочестивая матушка смущенно комкала заштопанные перчатки, а сгорбленный отец сму-

ценно сутулился в прохудившейся от частых стирок рубашке, баронесса в бешенстве вернулась в Мец. Когда Фрида приехала домой, родители дали понять, что больше не одобряют Эрнеста. Они подшучивали над его очевидной девственностью, называли его родителей нищebroдами, а низкое происхождение считали преступлением.

А Фрида увидела в скромном браке мистера и миссис Уикли надежду: трогательные жесты любви и преданности, заботливость, с которой отец Эрнеста чернил плиту для своей жены, а та каждое утро причесывала ему бороду и разглаживала складки на брюках, когда он вставал. Маленькие знаки верности и любви, которых она никогда не видела раньше.

В первые дни замужества Фрида пыталась делать то же самое: убирала крошки с усов Эрнеста и поправляла ему галстук. Собирала лютики и незабудки, делала букетики и ставила в подставках для яиц ему на стол. За завтраком клала рядом с почтой разрезной нож и срезала корки с его тоста. Появление детей все изменило. С Эрнестом что-то случилось. Она не знала, как и почему, но чувствовала, что медленно отодвигается на самую дальнюю периферию его жизни. Она потрясенно гадала: неужели он больше не любит? А любил ли когда-нибудь? Замешательство быстро сменилось гневом. Через несколько недель гнев утих, она смирилась с отдалением супруга и с головой ушла в материнские заботы.

Лишь временами спокойствие переходило в безмолвную печаль. Ей постоянно мерещилось, что она играет навязан-

ную кем-то роль. Она чувствовала это подсознательно, хотя не могла сформулировать. Пока не приехала Нуш с провоцирующими разговорами о любовниках и салонах. И все эти намеки, что они с Элизабет – а ведь ни одна из них не обладала и долей мужества Фриды – сами выбирают себе роли. Они ведут свободную и счастливую жизнь, где есть место любви и страсти, о которых всегда мечтала Фрида.

«Я поеду в Мюнхен, – решила она, – и увижу, что они преувеличивают полноту своей жизни. Возможно, сестры просто хотят наказать меня за неравный брак».

Она положила трубку и кисет Эрнеста на дальний край письменного стола, рядом с латунной пепельницей и новым коробком спичек. Поправила серые квадратики кружева, которые лежали один поверх другого на подголовнике кресла. А что, если Нуш не врет и не преувеличивает?.. Ученая, серьезная Элизабет резвится с красавцем-любовником на глазах у всего честного народа? Что за бредовая идея!

Глава 6

Монти

Прошла неделя с тех пор, как мама поделилась с Монти огромным секретом, и ему становилось все труднее не думать о своем будущем брате или о том, что мамочка может умереть. Когда она говорила об огне внутри, то, видимо, имела в виду, что у нее жар. Монти вспомнил, как однажды болел с высокой температурой. Кровь будто кипела в жилах, и пламя лизало внутренности.

Вечером, когда отец пришел подоткнуть ему одеяло, у Монти вырвался вопрос, все это время не дававший покоя:

– Папа, откуда берутся дети?

Отец так и застыл у края кровати. В конце концов он сказал:

– Это подарок, который посылает Бог.

И кашлянул, как будто что-то застряло у него в горле.

– Если подарок, то почему так много женщин умирают?

– Это случается очень редко. Если... когда...

Папин голос прервался, он быстро зашагал к двери, как будто куда-то опаздывал. Ясное дело – в кабинет. К своим книгам.

– Женщина умрет, если у нее одновременно ребенок и лихорадка, да, папа?

Отец схватился за дверную ручку.

– Тебе пора спать. Доброй ночи.

– Но как такой большой ребенок может попасть ей в живот?

Монти услышал щелчок закрывающейся двери и торопливые шаги отца на лестнице. В голове пронеслись ужасные картины: младенцы в языках пламени, прорывающиеся сквозь мамину кожу, вылетающие изо рта, извергающиеся из головы, ноздрей, живота. А потом он увидел ее мертвой, с закрытыми глазами; она неподвижно лежала на кровати в своем лучшем воскресном платье с бархатными пуговицами. Подарок от Бога?..

На следующий день за завтраком он спросил маму, как она себя чувствует.

– Как... твой жар?

Он кивнул на ее живот и стал с преувеличенным вниманием намазывать тост джемом, равномерно распределяя кушочки цукатов.

– Жар? – удивилась она.

– Ну огонь, – понизил голос Монти.

Ида с Барби и Эльзой отправились на ферму купить яиц, отец работал, а миссис Бэббит гремела кастрюлями на кухне и могла войти в любой момент.

– Огонь?

Мама повернулась к затухающему очагу.

– Все-то ты видишь, Монти.

Она отодвинула стул, подошла к очагу и бросила в огонь

маленькое полено, подняв столб искр.

– А детей посылает Бог?

– В каком-то смысле да. – Мама с любопытством посмотрела на него. – На самом деле ребеночка вкладывает в живот женщины мужчина. Потом он растет, растет и выходит наружу.

Она взяла нож и начала отковыривать желтые комочки масла, беспорядочно роняя их на тост. Монти задумчиво жевал.

– А какой мужчина его туда вкладывает?

– Ну конечно папа. Помнишь быка, которого мы видели на прошлой неделе? Он залез на корову, у дуба с веревочными качелями.

Монти кивнул.

– Он вкладывал в корову ребеночка. Теперь корова будет становиться все толще и толще, а потом у нее появится теленок. Как по волшебству!

– Да? – растерянно сказал Монти.

Он вспомнил быка с огромным красным пенисом, как тот кряхтел и сопел, и залился краской. Он все еще не совсем понимал, при чем тут Бог, но больше не хотел думать ни о младшем братике, ни о разъяренных быках, ни о папе, залегающем на маму.

– Мам, давай поедem сегодня в Шервудский лес? Вдвоем, без Эльзы и Барби. И возьмем с собой сливовый пирог!

– Ты еще позавтракать не успел! – Мама потянулась через

стол и сжала его руку. – Мне нравится, когда у тебя хороший аппетит, Монти.

Она доела последний кусочек тоста и встала. Монти посмотрел на ее живот. Вырос или показалось? Нет, вроде бы такой же, как раньше. Он решил присматриваться к маминному животу каждый день. И если что, рассказать папе. Кто-то ведь должен ввести его в курс дела. Даже если Монти посчитают ябедой.

Глава 7

Фрида

Пока Фрида готовилась к Мюнхену – отдавала в починку шляпы и обувь, смазывала петли дорожного сундука, – от сестер продолжали приходить письма: Нуш сожалела, что не сможет выбраться в Мюнхен: ее не отпустят ни любовник, ни портниха. Элизабет велела немедленно ехать в кафе «Стефани», *в любое время дня или ночи*, и напоминала, что Мюнхен превратился в настоящий *оазис интеллектуальной и культурной жизни*. Фрида, хоть и выбросила письма в корзину для бумаг, чувствовала странное возбуждение. Она разрывалась между беспечным недоверием и нервным предвкушением. Вновь пыталась уговорить Эрнеста поехать с ней, однако тот уверял, что это совершенно исклю- чено.

Как-то ночью ее разбудила невыносимая жажда. Потянувшись к стакану рядом с кроватью, Фрида вспомнила сон, из которого так резко вырвалась. Она нахмурилась, моргнула, выпила воды. Нет, не сон. Явственное воспоминание. Воспоминание, которое она спрятала подальше десять лет назад. Видимо, предстоящая поездка домой каким-то таинственным образом открыла маленькую дверцу в прошлое. Вытащила из темного, тесного дома и мгновенно вернула в военный гарнизон Меца. Она легла и закрыла глаза.

Фрида в гостиной, мать расхаживает по комнате и гово-

рит что-то резким голосом. Баронесса посылает Нуш просить у командира денег, нарумянив девичьи щеки, чтобы тот растаял от ее красоты. Все больше плохих новостей. Слуги уволены. Дом заложен. Нет денег на приданое. Шансов выйти замуж за армейского капитана больше нет. Придется занимать деньги, закладывая немногочисленное оставшееся имущество. Карточные долги барона слишком велики, просто невообразимы.

Фрида заткнула уши пальцами и поежилась под гагачьим пухом. Она не хотела вспоминать, что было дальше, но воспоминания хлынули, как вода, которая нашла трещину в плотине. Юбки баронессы яростно шуршат по половицам, руки обхватывают грудь под жестким корсажем. Она придумывает жалкие оправдания для супруга, и стыд в ее голосе смешивается с горечью. *Раненым в бою нелегко. Военный человек публично несет свои шрамы...*

Взгляд баронессы рыскал по комнате, будто ей невыносимо было смотреть на дочерей, видеть свое отражение в их глазах. *У него есть внебрачный сын, и он вынужден покупать молчание матери... Если бы у него был законный сын, чтобы унаследовать баронетство... Его постигло тяжелое разочарование... Ела устриц до тошноты... Перед рождением Фриды цыганка клялась, что будет мальчик... Все из-за тебя, Фрида. Если бы только ты родилась мальчиком...*

Фрида распахнула глаза и откинула одеяло. Холодный утренний воздух вывел ее из полубессознательного состоя-

ния. Думать о прошлом не хотелось. Не хотелось вспоминать переезд в жалкую квартирку с низкими потолками, тесную, неуютную и бедную, и бесконечные обсуждения вопроса, как найти женихов *без приданого*. В ушах вновь зазвучал голос матери. *Нуш найдет богатого мужа, она красавица. Элизабет устроится в жизни, потому что невероятно умна, а вот Фрида...*

Она рывком села на кровати. Надо думать о предстоящем дне. Впереди куча дел: оставить распоряжения для миссис Бэббит, обновить подписку на журналы для Эрнеста, заказать мазь у фармацевта – Барби опять обсыпало, купить мясо в мясной лавке.

Позже, когда она выполняла все эти скучные дела, ее вдруг осенило.

– Эрнест, – сказала Фрида за ужином, состоящим из бараньих котлет и жареного картофеля. – Я хочу, чтобы наши дети знали: мужество важнее, чем внешность и ум.

Эрнест, положив перед собой стопку тетрадей, пытался одновременно есть и проверять экзаменационные работы.

– Что ты сказала, мой снежный цветок?

– Они должны знать, что смелость дороже красоты и ума.

На лице супруга отразилось искреннее недоумение, и Фриде захотелось напомнить Эрнесту о его собственной смелости, когда он отважился просить ее аристократической руки, однако тот наконец оторвался от тетрадей и ответил.

– Полагаю, мужество пригодится Монти, если он захо-

чет сделать военную карьеру. А девочкам вполне достаточно быть такими же чистыми и красивыми, как ты.

Он погладил ее по руке и вернулся к работе.

Фрида вздохнула и отодвинула тарелку. Она как раз собиралась позвать миссис Бэббит, когда Эрнест добавил:

– Почитай Монти сказания о короле Артуре. В них полно мужества и отваги.

– А девочкам?

Эрнест помолчал, на секунду оторвав взгляд от бумаг.

– Чувство долга, верность, нравственность. Это все есть в Библии. А возможно, даже в «Сказках братьев Гримм», которыми ты забиваешь им головы. Напомнишь миссис Бэббит принести мне на ночь стакан стаута?

Он отодвинул стул, подобрал стопку сочинений и вышел из комнаты.

– Может, взять Монти в Мюнхен, чтобы он вспомнил о своем немецком мужестве? – крикнула Фрида в его удаляющуюся спину.

Ответа не последовало, лишь глухо стукнула дверь кабинета, и этот звук эхом прокатился по дому.

Глава 8

Монти

– Почему ты отвечаешь мне на английском? – повысила голос Фрида, перекрикивая шум в кафе. – Разве ты не хочешь поговорить по-немецки?

Монти старательно жевал, не произнося ни слова. Когда он говорил по-немецки, на него глазели, и кому охота, чтобы его обзывали злосчастным гунном? А дома ему нравилось, как мама говорит по-немецки. Как немецкие слова выходят из ее горла, поднимаются, падают и срываются с губ, будто выстрелы.

– Дома, – пробормотал он после длительной паузы.

– Очень хорошо.

Она потянулась через стол за новым ломтиком кекса.

– Кексы в Германии намного вкуснее. Думаю, ты должен поехать со мной в Мюнхен, Монти. Хочешь?

Плечи расслабились, а тугие узлы в животе исчезли.

– Да, очень-преочень хочу!

Монти так обрадовался, что даже не заметил вылетающих из рта крошек. Ура, он поедет в Мюнхен!

– Я себе места не нахожу. Думаю, поездка в Мюнхен поможет развеяться.

Мама вновь открыла книгу, только она не читала. Ее глаза не двигались. Монти ласково тронул ее за плечо.

– У тебя болит животик, *Mutti*?

Она подняла голову.

– Что бы я без тебя делала, Монти? Ты уже такой большой мальчик.

Монти не хотелось быть большим. Он предпочел бы стать маленьким, забираться к маме на колени, гладить ее лицо и волосы и таять под мягким теплом ее рук. Как Эльза и Барби.

– Ой, смотри, Монти! – Мамин голос зазвенел серебром, и она сунула книгу в корзину. – Двигайся. Нам понадобится больше стульев.

Подняв глаза, он увидел крестного Барби, мистера Доусона. Миссис Доусон указывала на них кончиком лилового зонта, а на лице ее супруга расцветала улыбка – широкая, от уха до уха. Мистер Доусон жил в нескольких кварталах и частенько приходил в гости.

Монти нравилось, как блестят его глаза, особенно в отсутствие папы. Мистер Доусон мог бы стать маминым другом, а вот от его жены никакого толку – слишком занята вышиванием знамен для всяческих комитетов.

– Мы уже уходим! – пропела миссис Доусон. – Я спешу на женское собрание. В Ноттингем приезжает Эммелин Панкхерст. Ты ведь придешь, Фрида? Мы должны показать ей, что Ноттингем серьезно относится к избирательному праву женщин.

– Я тебе не нужен, Элена. Выпью кофе с миссис Уикли.
Мистер Доусон повернулся к ним.

– Расскажите, как поживает моя любимая крестница.

Он подмигнул Монти и уселся рядом с мамой на диванчик, хотя там было слишком мало места и она ясно сказала, что нужны еще стулья.

– Рада вас видеть, мистер Доусон.

Мама наклонила голову набок, как воробышек, и пристально посмотрела на мистера Доусона.

Монти обрадовался: сейчас мама расскажет ему о новом ребенке. Он наострил уши, чтобы не пропустить ни слова.

– У Элены вечно полный дом суфражисток-подстрекательниц, и я изо всех сил стараюсь держаться подальше от неприятностей, – закатив глаза, сказал мистер Доусон.

– Они делают важное дело. Женщины, конечно, должны иметь право голоса.

Фрида помедлила, рассеянно помешивая остывший кофе.

– Но когда я пошла на собрание суфражисток, то почувствовала себя не в своей тарелке. Они кричат, спорят, устраивают марши и ведут себя как мужчины. Я смотрю на это по-другому.

– Вот как? Слышишь, что говорит твоя мама, Монти? – ткнул его в плечо мистер Доусон.

Монти кивнул, а Фрида продолжала: медленно, подыскивая правильные слова.

– Они... слишком узко мыслят. И я считаю, что настоящую свободу принесет женщинам не право голоса. Все сложнее. Наша сила в том, что мы – другие. Чтобы сделать мир бо-

лее женственным, мы должны помочь вам, мужчинам, иначе посмотреть на вещи.

– Гм... Более женственный мир, а? Что скажешь, Монти? Дадим женщинам право голоса?

Монти не знал, что отвечать.

– Мы с Монти едем в Мюнхен. Там у людей более прогрессивные взгляды.

– Надеюсь, вы вернетесь, – рассмеялся глубоким лающим смехом мистер Доусон. – Все знают, что вы не выносите Ноттингем.

– Это Ноттингем меня не выносит, – возразила она.

Монти отвернулся и устремил взгляд в окно, через которое мог видеть, не войдет ли в кафе кто-нибудь из школы. Именно тогда он услышал от мамы странные слова.

– ...что-то внутри... словно догорающий костер...

Она понизила голос и рассеянно провела кончиками пальцев по горловине платья.

– ...чувство, что все бессмысленно, бесцельно. Умру... и все!

Она замолчала и сцепила руки на животе.

– И конец.

Монти испуганно отпрянул.

– Почему мой маленький братик должен умереть? – выпалил он.

– Что?

Мама посмотрела на него, и кожа у нее между бровей со-

бралась в маленькие складочки.

– Монти в последнее время одержим смертью. Все утро расспрашивал меня о Небесах.

Она выразительно пожала плечами и на несколько секунд подняла ладони к небу.

Монти внезапно почувствовал страшную усталость и боль в животе.

– Мам, у меня живот болит, – сказал он.

– Неудивительно, юноша. Сколько пирожных ты съел?

Произнося эти слова, мистер Доусон по-прежнему смотрел не на Монти, а на маму – таким взглядом, будто видел ее впервые в жизни.

Глава 9

Фрида

Предложение Нуш обсуждать литературные новинки с Эрнестом за неимением в Ноттингеме салонов задело Фриду за живое. Она пробовала – несколько лет назад, и Эрнест тогда не проявил никакого интереса, но, возможно, стоит сделать еще одну попытку?

Фрида вновь и вновь возвращалась к этой идее, рассматривая ее с разных сторон. Порой она представляла Элизабет с Эдгаром, сосредоточенно склонившихся над «Войной и миром»: у пылающего камина или в уютном свете масляной лампы. Она видела эту сцену как наяву: Элизабет подперла рукой подбородок, Эдгар поправляет очки и задумчиво трет переносицу. Она почти слышала, как сестра и ее супруг перебрасываются вопросами, высказывают свои идеи.

А еще Фрида вспоминала первые месяцы замужества, когда Эрнест каждый день приносил ей охапки книг. Когда удалось их одолеть – в те дни английский Фриды оставлял желать лучшего, – супруг одобрительно улыбался и целовал ее в макушку, а затем собирал книги и уносил в библиотеку. После рождения Монти Эрнест стал одержим стремлением зарабатывать как можно больше, чтобы их растущая семья никогда не узнала, что такое голод. Книги приносить он перестал, видимо, считая, что чтение несовместимо с материн-

СТВОМ.

А теперь он зарабатывал больше, дети подросли, и Фрида говорила по-английски свободно. Наверное, Нуш права: литературные обсуждения могут избавить ее от уныния и скуки, от чувства, что ей, Фриде, недоступна настоящая жизнь, какую якобы ведут сестры. И, возможно, это вернет ей Эрнеста, поможет им сблизиться. После отъезда Нуш она долго искала идеальную книгу, изучая запасы бесплатной библиотеки Ноттингема и обыскивая полки книжного магазинчика за рынком. И наконец нашла. Роман, достойный семейных чтений, против которого не станет возражать Эрнест. Готовясь удивить супруга, Фрида прятала книгу за партитурами, доставала и читала каждый день по часу, записывая свои мысли в маленький блокнотик в шелковом переплете.

Однажды вечером, когда она разучивала сонату Брамса, спрятав заветную книгу под стопку нот, в гостиную вошли Эрнест с Монти. Она перестала играть и, не убирая рук с клавиш, взглянула на часы. Половина девятого.

– Монти, любовь моя, тебе пора в постель.

– Он говорит, что слишком взволнован предстоящей поездкой в Мюнхен и не может уснуть, мой снежный цветок, – пояснил Эрнест, погладив сына по голове, и добавил: – Ты должен будешь заботиться о маме, Монти. Говорят, в Мюнхене полно нестриженных мужчин и стриженных женщин.

Руки невольно сжались в кулаки, и Фрида закусила губу. Почему он упорно называет ее снежным цветком? Снег – хо-

лодный и мертвый, а она – живая и теплая. Снежный цветок – нечто девственное, нетронутое, почти арктическое. Взгляд остановился на вазе с растрепанными кремовыми гвоздиками, которые принес Эрнест накануне. «Он хочет, чтобы я походила на эти цветы, – с горечью подумала она. – Чтобы я была изысканной белой гвоздикой».

– Эрнест, я читала «Анну Каренину». Я хотела бы поговорить о ней, когда Монти пойдет спать.

Эрнест непонимающе посмотрел на нее.

– Разве не для этого существуют ваши женские посиделки? Домашние четверги?

– Я... я от них отказалась.

Слова падали на рояль и проваливались между клавиш, покрытых слоновой костью. Она хотела объяснить, что чувствует себя изгоем в местном дамском обществе, что эти женщины скучны и придиричивы, что ей отвратительна их беспощадная борьба за превосходство. Но Монти и Эрнест смотрели на нее с таким нескрываемым удивлением, что слова замерли на устах.

– Вместо этого я читаю. Я надеялась, что мы с тобой...

Ее голос прервался.

– Я обучаю рабочих грамоте три вечера в неделю, по субботам читаю лекции в Кембридже, каждый день учу идиом в колледже и при этом пишу фундаментальный научный труд. Чем тебе местные дамы не угодили?

Фрида закрыла крышку рояля. «А сколько времени ты

тратишь на перестановку книг на полках?» – подумала она, чувствуя тугой ком в горле.

– Они добрые христианки. Что мы скажем, когда встретим их в церкви?

На лице Эрнеста отразились недоумение и досада, точно он говорил с одним из своих самых бестолковых и глупых учеников. Пытаясь проглотить ком в горле, Фрида уставилась невидящим взглядом на вазу с гофрированными гвоздиками. Как объяснить ему, что у нее нет ничего общего с добрыми христианками Ноттингема? Что она чувствует себя представительницей другого вида? Она мысленно перебирала знакомых женщин... *Миссис Кларк, супруга владельца ломбарда, которая придирчиво рассматривает ее одежду и находит, что та оставляет желать лучшего. Миссис Блэк, жена торговца чаем, которая вечно жалуется на прислугу. Миссис Бертон, супруга фабриканта, которая говорит только о последней моде на шляпы...* Нет, больше никаких «домашних четвергов». Лучше уж ползать по полу с детьми, читать или собирать полевые цветы. Она хотела еще раз предложить Эрнесту обсудить «Анну Каренину» – хотя бы за ужином, однако супруг предостерегающе поднял руку. Этим единственным жестом он, казалось, не просто сдвинул ее на край, а вообще вытолкнул из своей жизни. Почувствовав, как набухает и растет ком в горле, Фрида стиснула зубы. Нельзя плакать перед Монти. Что бы ни вызвало эти слезы – сожаление, гнев, досада, одиночество, – она не должна рас-

страивать сына.

– Поговорим позже. Когда вы с Монти думаете ехать?

– Как только он закончит учебу, – сказала она.

Ей вдруг захотелось обнять сына, прикоснуться щекой к мягким детским волосам, ощутить его ванильно-молочное дыхание.

– Подойди и обними мамочку перед сном, любовь моя.

Она широко раскинула руки и улыбнулась. Монти не двинулся с места.

– Думаю, Монти староват для объятий с мамочкой. Я отведу его наверх.

Рука Эрнеста легла на голову мальчика, направляя его к двери.

– Пожелай мамочке спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – ровным голосом произнес Монти.

Фрида не могла вымолвить ни слова. На глаза навернулись слезы, ком в горле вырос. Эрнест уже неоднократно говорил ей, что Монти пора стать более независимым, что она балует сына, что тот слишком к ней привязан. Она стиснула зубы, открыла крышку рояля и начала играть пьесу Бетховена. Руки тряслись, ноты кружили по комнате, врезаясь в стены и ударяясь о мебель. Когда Эрнест вернулся и сказал, что музыка разбудила Барби и Эльзу, она даже ответить не смогла. Просто тряхнула головой и продолжала. Казалось, ее удерживают на месте только инструмент и музыка. Перестав играть, она могла так сильно уйти в себя, что просто исчезла

бы. «Кто я теперь? – думала она. – Что я?» В памяти всплыли слова Нуш... *Да, Фрида. Вернись к нам, пока не поздно...*

Глава 10

Эрнест

И когда уже Фрида перестанет барабанить по клавишам! От ее бурных пассажей дрожали стекла в окне кабинета. Кроме того, она три дня играла одно и то же, и это мешало сосредоточиться. Возможно, если бы у нее было больше способностей к музыке...

Эрнест устало вздохнул, набил табаком трубку и сунул в угол рта. Отодвинул в сторону несколько студенческих сочинений, надеясь найти коробок спичек. Вместо этого на глаза попался том «Анны Карениной». Видимо, его положила туда Фрида. Похоже, злосчастная книга преследует его по всему дому. Фрида ее явно не читала. Не знает ни сюжета, ни героев с их умопомрачительной безнравственностью.

Эрнест уже собирался отодвинуть книгу в сторону, как вдруг зачем-то открыл и перелистал страницы. Позже он задавался вопросом, что заставило его это сделать: видимо, отменное качество темно-бордового переплета и яркие позолоченные надписи. Заметив надпись на титульной странице, он нахмурился. Крупные закругленные буквы, театрально изогнутые. Он был уверен, что это почерк одной из сестер фон Рихтхофен. Неужели Фрида? Нет, разумеется, она не могла осквернить такую дорогую книгу.

– *Bevor es zu spät ist*, – прочел он вслух. Пока не позд-

но. Для чего не поздно? Он попытался вспомнить, чем заканчивается «Анна Каренина», и понял, что так и не дочитал роман до конца. Слишком поздно, — задумался он. — *Zu spät... zu spät.* Эрнест откинулся назад и пососал незажженную трубку, наслаждаясь моментом: он любил загадки.

И вдруг его осенило. Он замер, словно громом пораженный. Как можно быть таким идиотом? Вот болван! Наконец все кусочки головоломки встали на свои места: таинственная надпись, перепады настроения Фриды, ее странное, неподобающее поведение. Буквально позавчера она неловко заигрывала, теребя полы его рубашки. А вчера, когда он заводил старинные часы в зале, погладила через брюки по ягодичкам. Теперь все ясно. Она хочет еще одного ребенка. *Пока не поздно.*

Первоначальное потрясение бесследно исчезло, как только он начал мысленно перечислять причины, почему ни в коем случае нельзя заводить еще одного ребенка. Шум. Суэта. Микробы. Расходы. Если придется обеспечивать четвертого ребенка, его планы переехать в более солидный дом с хорошим садом будут сорваны. А что с книгой? И с местом в Кембридже?

Нет, глупости. Он этого не допустит. Не поддастся женским чарам. Взгляд скользнул за окно, где сгущались сумерки. Последние лучи солнца догорали в кронах деревьев, в зелени листьев, в нераскрытых бутонах и пышной белизне цветов. Весна, вот в чем дело. Вероятно, заманчивые обеща-

ния весеннего изобилия так нехотели заставили жену вновь задуматься о продолжении рода. Да, в этом все дело. Продажки весны: первые зеленые листочки, пробивающиеся из почек, взрывающиеся цветами бутоны, лихорадочное стремление свить гнездо.

Эрнест оглядел кабинет: полки на всех стенах заставлены книгами, ряды и ряды книг – от пола до потолка. В алфавитном порядке, начиная с Библии и заканчивая собранием сочинений Золя. Каждая пунктуально внесена в каталог его собственной рукой. Он удовлетворенно подумал, что свое гнездо построил. А вот Фриде явно чего-то не хватает, она хочет гнездо побольше. Видимо, весна оказывает на женский организм какое-то таинственное животное влияние.

В размышления резко ворвались воспоминания детства: девять братьев и сестер склонились над мисками с постным супом, шум, гвалт, постоянные лишения. Нет, о четвертом ребенке не может быть и речи. Он никогда не сдастся. Сдаваться. Капитулировать.

– Капитулировать, – произнес Эрнест в потолок.

Тонкие стены дрожали от напора Фриды, азартно стучавшей по клавишам в соседней комнате. Капитуляция... От латинского *capitulum*. Замечательное слово. Копуляция. Совокупление. Стоп, при чем здесь это... Он усмехнулся. Слова имели удивительную привычку перетекать из одного в другое. Вероятно, капитуляция превратилась в копуляцию из-за мыслей о продолжении рода, размножении, весне.

Вдруг вспомнилась первая брачная ночь. Его до сих пор преследовало это воспоминание – стыд, неловкость, неестественное воодушевление Фриды. Он представлял себе репродуктивный акт совсем не таким. Потрясенный бесстыдством и несдержанностью молодой жены, он отвернулся и притворился спящим.

Внезапно захотелось раскурить трубку, чтобы прогнать непрощенные воспоминания. Эрнест зашуршал бумагами в поисках спичечного коробка и направил мысли в более приятное русло. Их первая встреча у необычного маленького фонтана в Шварцвальде, где он провел свой первый и единственный отпуск. Что на него нашло? Он ясно помнил яркую зелень заросших лесом склонов. Стройные сосны в полуденном свете тянутся ввысь, в небе кружат вороны.

Теперь ему казалось, что этот всплеск свободы – от учебы, от Англии, от привычной городской среды обитания – придал ему благородного снобизма, который совершенно противоречил его внутреннему смятению. Словно он на короткое время превратился в совсем другого человека. Он вспомнил, как Фрида протянула пухлую розовую руку при первом знакомстве. Пылающие щеки, отчаянная улыбка, аромат лаванды, исходивший от белой блузки. И ее загадочный говор – странная смесь баварского, эльзасского и силезского наречий, с вкраплениями французского. Его очаровали эти пленительные интонации. Он практически сразу понял, что эта женщина станет его единственной любовью. Хотя в то время

она едва ли была женщиной. Всего восемнадцать. Но сколько очарования, сколько скрытых возможностей!

Его мысли вернулись к настоящему. Нет, четвертый ребенок абсолютно исключается. Эрнест закрыл томик Анны Карениной и сунул под стопку экзаменационных работ. Мюнхен – вот ответ. Фрида сможет побаловать себя разумным самоанализом. Две недели с Элизабет приведут ее в чувство и заставят забыть глупые идеи о большой семье. Элизабет невероятно умна и постоянно занята размышлениями об экономике и философии. Его жене это пойдет на пользу.

– Моя жена, – сказал он вслух. – Мой снежный цветок... Моя королева.

Слово «королева» – *queen* – заставило его задуматься. В большинстве языков оно является производным женского рода от слова король, а в английском – нет. Возможно, оно происходит от греческого слова *gynē*, означающего «женщина». Либо от древнесаксонского *qwan*, что означает «жена». В окне, словно мошकारа, роились частички сажи из фабричных труб. Фрида перестала терзать инструмент, и стало слышно, как гудят, грохочут, шипят и плюются городские фабрики.

– Моя королева, – улыбаясь, повторил Эрнест.

Как он любил копаться в происхождении слов! Восхитительно: слова заключают в себе всю историю цивилизации, весь свод развития человечества – от рабовладельческого строя до свободы!..

Он поджег трубку, запрокинул голову и удовлетворенно запыхтел.

Часть II

Мюнхен, 1907

В ее жизни почти ничего не происходило, однако в глубине, во мраке, уже назревали какие-то перемены.

ДЭВИД ГЕРБЕРТ ЛОУРЕНС, «ВЛЮБЛЕННЫЕ ЖЕНЩИНЫ»

Глава 11

Монти

Пока добрались до Мюнхена, совсем стемнело. Монти думал, что уже глубокая ночь, как вдруг мама сказала:

– Мы можем поехать прямо к тете Элизабет или зайти перекусить в знаменитое кафе, которое она мне советовала. Ты как?

Монти моментально проснулся и пришел в восторг от идеи пойти с мамой в кафе поздно вечером. И ему очень нравилось, как мама подзывает носильщиков: уверенно, держа спину прямо, а голову очень высоко, как королева.

– Пожалуйста, давай зайдем в кафе!

– Ладно, только ненадолго.

Она повернулась и, пока носильщик грузил чемоданы на

специальную тележку, несколько раз втянула носом воздух. Монти последовал ее примеру. В воздухе витал аромат сладких булок и жареного мяса. Мюнхен пах совсем не так, как Ноттингем, а дразняще и экзотически. Оказывается, у каждого города свой запах.

Он услышал, как мама объясняет извозчику, что им нужно в кафе «Стефани» на Амалиенштрассе, и по коже пробежали мурашки – от гордости и возбуждения. Не то что в Англии, где извозчики ее не понимают, и приходится повторять по несколько раз, а порой они даже тихонько говорят гадости о немцах.

– Как чудесно дома! – Мама провела руками по волосам и по платью, расправляя складки юбки. – Завтра ты будешь пить баварское пиво и есть настоящую еду. Нас ждет столько всего хорошего! А теперь положи голову мне на колени.

– А давай не ложиться спать до самой полуночи? Я ничуть не устал!

Mutti ласково взъерошила его волосы. Монти нравилось, как она растопыривает пальцы, и ее руки превращаются в толстых розовых морских звезд. Если поехать прямо к тете Элизабет, мама сразу займется разговорами и распаковкой, не будет гладить его по голове, и придется ложиться спать одному, согревая телом холодные чужие простыни.

Мама прижалась губами к его щеке и покрыла лицо поцелуями, и Монти вновь вспомнил о маленьком братике. Он повернул голову и прислонился ухом к маминому животу.

Надо послушать, как там братик. Но тут экипаж остановился, и мама вновь заговорила с извозчиком в своей величественной манере.

Монти сел. Откуда-то слышалось пение и гитарный перебор. Люди, болтая и смеясь, выходили из кафе с запотевшими стеклами. Он вспомнил папины слова о нестриженных мужчинах и стриженных женщинах и хотел рассмотреть, какие у них волосы, но различал в темноте только размытые качающиеся силуэты.

Глава 12

Фрида

Подавив зевок, Фрида попросила извозчика подождать. В поезде в поры вьелись пыль и копоть, и когда она ускорила шаг, то почувствовала неприятный запах от собственных подмышек. Глупая затея – идти в кафе в такой поздний час.

– Послушай, Монти, давай лучше поедem к Элизабет. Время позднее, и от нас воняет.

Где там! Монти уже спрыгнул на землю, и при виде его огорченного лица у Фриды не хватило духу вернуть сына в экипаж. Она взяла его за руку, толкнула стеклянную дверь кафе и потрясенно ахнула. На секунду она подумала, что по ошибке вошла в чью-то гостиную – такая там царила интимная, уютная атмосфера. Стены обшиты от пола до потолка дорогим мореным дубом, окна задрапированы бордовыми жаккардовыми занавесками, висящими на латунных карнизах. На мраморных столах стоят лампы с шелковыми абажурами цвета фуксии. Под потолком слегка покачивается, словно от сквозняка, блестящая латунная люстра. И полно людей: стоят небольшими группами, сидят за столами, толпятся у стойки; над головами вьется синий табачный дым.

Усталость как рукой сняло. Кафе «Стефани» разительно отличалось от пабов Ноттингема, куда Фрида с Эрнестом изредка заходили на кружку его любимого стаута, и ничем не

напоминало «Микадо» с серебряными подставками для пирожных и пустоглазыми официантками.

Фрида осмотрелась сквозь дым. Между столами ходила, напевая что-то, женщина в цилиндре и с колокольчиком на шее. За ней шел мужчина с моноклем, гитарой под мышкой и нитками ярких стеклянных бус на шее. Между столиками сновали официанты с подносами над головой. Люди за столами играли в шахматы, писали, читали, оживленно спорили. Фрида улавливала обрывки стихов, слышала стук кулаков по мрамору, звон ложек по ободкам пивных кружек, топот ботинок по темным половицам.

Монти вцепился в руку, не давая погрузиться в атмосферу. У Фриды отпала челюсть, и она вдруг поняла, что так и стоит в дверном проеме с открытым ртом, а официант указывает ей на столик.

– *Bratwurst mit Kartoffeln bitte*¹.

Она тряхнула головой, ошеломленная и растерянная, будто слишком быстро шагнула из одного мира в другой.

– Что это за странные люди? Почему они не спят? – громким шепотом спросил Монти.

– Художники, философы, писатели. Даже в столь поздний час пишутся великие стихи и обсуждаются великие мысли.

Она помолчала, почувствовав едва заметное мерцание внутри. Несмотря на дымовую завесу и тусклое освещение, зал играл ослепительными красками. Блестели голые плечи,

¹ Колбаски с картофелем, пожалуйста (нем.). (Здесь и далее прим. перев.)

звенели золотые и серебряные браслеты на руках. В красных плюшевых креслах сидели роскошные женщины в ярких ки-моно и расшитых дирндлах. Даже у некоторых мужчин на шее были повязаны красные платки.

– Почему они так смешно разговаривают?

Пальцы Монти вновь вцепились в ее руку. Фрида наклонила голову и прислушалась. Она узнала французский и немецкий говор, разумеется, и что-то непонятное, певучее. Русский? Итальянский?

– А там что?

Монти мотнул головой в сторону дальней стены. Там виднелось другое помещение с ярко освещенной зеленой гладью бильярдных столов. Она хотела рассказать сыну о бильярде, как вдруг певица вспрыгнула на соседний стол и швырнула гитаристу с моноклем свой цилиндр, обнажив очень короткую стрижку с выбритым затылком. Колокольчик у нее на шее звенел, посетители хлопали и кричали:

– Давай, Мариетта!

Шахматисты отвлеклись от игры и лениво подняли головы. Официант в фартуке бросил певице желтую розу, которую она вставила за ухо.

– Думаю, сейчас мы услышим прекрасную немецкую музыку, Монти.

Фрида захлопала в ладоши вместе с толпой, взволнованная и воодушевленная. Как быстро прошла усталость от долгого путешествия!

– Это та самая стриженная дама, о которой предупреждал нас папа?

– Тише, слушай.

Гитарист взял несколько аккордов и ухмыльнулся в лохматые усы. Бусы у него на шее звенели, и он отбивал такт каблуком. Еще больше людей вскочили с мест и зааплодировали, крича Мариетте:

– Давай, начинай уже!

Мариетта медленно размотала шифоновый шарф на талии и бросила в толпу. Затем расстегнула жакет и тоже швырнула в публику, явив взорам рубашку с желтым кружевом. Колокольчик ободряюще звякнул.

– Что она делает? – спросил Монти таким громким и высоким голосом, что несколько человек обернулись и посмотрели на него.

– Собирается танцевать, но ей слишком жарко.

Фрида начала раскачиваться в такт музыке. Пальцы Мариетты теребили завязку на сорочке. Затем она резко дернула за ленточку, вытащила ее и уронила на пол. Рубашка раздулась на мощной груди. Фрида испугалась. Нужно увести Монти. Пока не увидел лишнего. Пока эта женщина не сняла еще что-нибудь. Она отодвинула стул.

– Мы уходим, Монти.

В переполненном жарком зале стало нечем дышать, стены вокруг сомкнулись. Толпа улюлюкала и рукоплескала. Двое мужчин за соседним столом чокались пивными кружками в

такт аккордам гитариста. Раздался голос Мариетты, чистый и пронзительный.

– Нам не стыдно, друзья мои анархисты. Почему мы должны стыдиться? Наши тела прекрасны – так задумано природой!

Дергая за бретельки сорочки, вращая бедрами, чтобы освободиться от бриджей, она вызывающе смотрела на Фриду. Фрида потянулась за шалью, чтобы набросить ее на голову Монти. К несчастью, шаль упала на пол, а Монти решил не сдаваться.

– Я не поел колбасок, – завопил он. – Ты обещала колбаски!

– Мы должны идти, немедленно! – Она схватила сына за плечи и попыталась развернуть к двери.

– Мои колбаски, – взмолился он. – Я есть хочу!

Высокий мужчина в рубашке с закатанными рукавами и расстегнутом жилете протиснулся мимо них к танцовщице.

– Неужели никто не поможет этой бедной девственнице?

Он положил руку на ширинку галифе Мариетты и принялся расстегивать пуговицы.

– Не подавляйте своих чувств! – воскликнул он, когда кожаные штаны соскользнули с бедер и упали вниз.

– Благодарю, мой князь тьмы, – пропела Мариетта, спихнула ногой бриджи со стола и, выгнув шею, блаженно закрыла глаза.

– Нам нужно идти!

Фрида потащила Монти к двери. Эрнест никогда не простит ей, если его сын увидит в кафе обнаженную танцовщицу. Как она ему объяснит?.. Толпа бесновалась. Стоял оглушающий гомон: топот ног, бречание гитары, звон столовых приборов и посуды, высокий зычный голос.

– Верни мальчика! Чего ты боишься? Пусть он увидит мою роскошную грудь. Мою восхитительную задницу!

Фрида толкнула стеклянную дверь и выпихнула Монти на улицу.

– Ой, я не заплатила! Помогите ему подняться, будьте добры.

Вернувшись в кафе, Фрида увидела в мерцающем тумане кружащееся в танце обнаженное тело Мариетты, бледную грудь с покрашенными сосками; люди смеялись и бросали в цилиндр монеты. Несколько секунд Фрида стояла и смотрела. Сердце тяжело бухало за ребрами. На верхней губе выступил пот. Мариетта кружилась так самозабвенно, что страх показать Монти голую танцовщицу уступил место другому чувству, которого Фрида не могла расшифровать. Мариетта стояла на столе, беззастенчиво наслаждаясь взглядами. Она перестала кружиться и начала вилять бедрами и гладить их руками. И все время улыбалась, словно ощущение своих пальцев на коже доставляло ей удовольствие, словно она упивалась собственной наготой, свободой, которую она приносит.

Фрида бросила на стол несколько монет и повернулась

к двери. Корсет врезался в ребра, высокий воротник блузки впился в горло, тугой и тесный пояс сдавливал талию. Шпильки царапали скальп. Даже туфли вцепились в ноги, как щупальца. Она слишком долго ехала. Надо было надеть ночную рубашку и идти спать.

Позже, уложив Монти в постель, она тщетно старалась уснуть – ничего не выходило. Все казалось неправильным, неудобным. Она раскрывалась и дергала ночную рубашку. Кнопки давили в грудь. Слишком тесные манжеты и горловина врезались в запястья и горло. Наверное, миссис Бэббит перестаралась с кипячением, и сорочка сбежалась. Или она слишком много ела в дороге. А что, если...

Она сбросила рубашку, открыла окно. Не думая ни о чем, прикрыла глаза и стала кружиться, виляя бедрами. Провела руками вверх и вниз по бедрам и представила, что слышит аплодисменты. Сегодня она будет спать голой. Не нужно сражаться с пуговицами ночной рубашки. Руки блуждали по груди и вниз по животу, звенела воображаемая гитара. Фрида покачивалась в такт мелодии, волосы свободно струились по плечам. В ногах чувствовалась удивительная легкость, как будто сила притяжения исчезла и земля больше не тянула вниз.

В открытое окно падала полоса серебряного лунного света. Фрида скользнула в луч, запрокинула голову и начала танцевать.

Глава 13

Фрида

Элизабет деловито сновала по столовой, разглаживая салфетки, поправляя столовые приборы, смахивая со скатерти крошки черного хлеба.

– Я рада, что Монти спит. Мальчик, должно быть, смертельно устал.

– Ну, рассказывай, пока он не спустился. Твой новый любовник – я хочу знать о нем все.

Фрида огляделась: нет ли в пределах слышимости слуг.

– О прислуге не беспокойся, у нас нет от них секретов. Они все знают Отто – как и любовницу Эдгара.

– У Эдгара есть любовница?

– Да, конечно. Фанни, графиня цу Ревентлоу.

Элизабет взяла чайник и налила себе чаю. У нее даже рука не дрогнула, как будто говорить за завтраком о любовниках – самое обычное дело.

– Фанни – замечательная. Правда, я не согласна с ней в вопросе женской свободы.

Элизабет задумчиво отхлебнула чаю и добавила:

– Фанни считает, что подлинное раскрепощение возможно только после отмены института брака, когда женщины получают полную сексуальную свободу.

– Сексуальную свободу? – удивленно моргнула Фрида. –

А как же ваш брак?

Она намазывала на хлеб толстый слой желтого масла. После обнаженной, Фрида проснулась голодная, охваченная непонятным восторгом. Теперь ликование постепенно угасало. Элизабет говорила о своей жизни откровенно и прозаично. В их детстве все было иначе. Баронесса знала, что у барона есть любовницы, однако никогда не называла имен и вообще не поднимала эту тему.

– По-моему, свободная любовь только укрепляет брачные узы. Я обожаю Фанни, а жена Отто – одна из моих самых близких друзей. Никто никого не обманывает. В любом случае, – Элизабет сделала паузу и понизила голос, – Отто не такой, как все. Он врач. Он понимает женское тело.

Фрида подняла бровь.

– Он разбудил меня, Фрида. – Элизабет скользнула в кресло и засопела ей в ухо. – Я не знала столь изысканных удовольствий. Отто открыл мне мою истинную природу. С Эдгаром я никогда не испытывала такого экстаза.

Элизабет испустила обморочный вздох. При этом у Фриды возникло странное ощущение, что комната вокруг нее сжалась, как если бы сестра втянула в себя весь воздух и все свободное пространство или придвинулась к ней и затянула шнуровку корсета. Она сидела и молчала, изнывая от неутолимого желания испытать то, что познали сестры.

– Ты уже целую вечность намазываешь это масло, Фрида. Возьми немного сыра!

Фрида ошеломленно кивнула.

– А знаменитые интеллектуалы братья Веберы?

– Конечно, они тоже часть мюнхенского эротического движения. Макс привносит научный подход во все, что делает, даже в секс! Но Отто... Доктор Гросс... настолько хорош, что мне теперь больше никто не нужен. Я свободна.

Элизабет склонилась над столом, глядя на нее блестящими и круглыми, как мраморные шарики, глазами.

– Ты могла видеть его в кафе «Стефани». Он ведет свои исцеляющие беседы за столиком в углу.

Фрида положила на тарелку толстый кусок сыра и так сильно вонзила в него вилку, что зубцы прошли насквозь, оставив в твердом белом квадратике аккуратный ряд отверстий.

– Что за исцеляющие беседы?

– Он лечит людей, заставляя их говорить. Он открыл, что корни многих болезней таятся в мозгу. В подавлении эмоций или воспоминаний.

Элизабет сделала паузу и понизила голос.

– Но больше всего – в подавлении сексуального инстинкта. Эти идеи еще не дошли до Ноттингема? Ты не слышала о докторе Фрейде из Вены?

– Нет, – надтреснутым голосом сказала Фрида.

– Исследования Отто очаровательны! Именно этим словом он определяет свои терапевтические беседы. Он верит во власть женщин. У него крайне необычные взгляды, и все

же он излечил сотни людей.

Элизабет начала отодвигать кутикулы аккуратно подстриженным ногтем большого пальца.

– Почему бы тебе не попробовать? Вдруг ты обнаружишь в своем подсознании последствия устричной диеты, на которой сидела мама, надеясь сделать из тебя мальчика.

– Мне бы хотелось еще раз сходить в это кафе.

У Фриды екнуло сердце. Какое необычное место, подумала она, вновь услышав бречание гитары, звон колокольчика. Там она мгновенно почувствовала себя как дома, хотя не понимала причины. Отсутствие английской манерности и сдержанности? Или воздух, кипящий новизной, чувством свободы?

Элизабет искоса взглянула на нее из-под ресниц.

– Ступай и поговори с Отто.

Фрида потягивала остывший чай, внимательно рассматривая нетронутый сыр с рядом дырочек. На краткий безрассудный миг она представила, как танцует, затаив дыхание, на столе с мраморной столешницей. Вообразила прохладный камень под босыми ногами, жадные взгляды мужчин и женщин на своей груди, бедрах...

– Фрида! Ты меня слышишь?

– Ладно. Я пойду и встречу с твоим любовником...

– Вот и хорошо. Тогда я смогу отправить тебя домой счастливой и довольной.

Элизабет рассеянно провела рукой по животу.

– Из тебя вышла отличная мать, Фрида. Роди еще одного ребенка.

– Я хочу стать чем-то большим, чем племенная корова, – ответила Фрида, задетая небрежно-безразличным тоном Элизабет. Как будто Элизабет благодаря своему блестящему уму может стать выдающейся личностью, а она, Фрида, способна только рожать детей.

– А почему ты не хочешь участвовать в деятельности английских суфражисток? – Элизабет устало вздохнула, разочарованная политической безынициативностью сестры. – Эрнест ведь не станет возражать?

– Ты прекрасно знаешь, что у него есть четкое мнение о том, какой должна быть женщина и чем ей следует заниматься. Он хочет, чтобы я полностью посвятила себя материнству. Только дело не в нем...

Фрида замолчала и поморщилась. Однажды она пошла на собрание суфражисток в салон миссис Доусон. Но когда высказала свое мнение, что изменения начинаются не с права голоса, от нее все отвернулись. Она пыталась объяснить на своем не совсем правильном английском, что новому обществу необходим новый образ женщины, что одного лишь права голосовать за законы, написанные мужчинами, недостаточно, а то, что они будут вести себя как разгневанные мужчины, не приведет к желанным изменениям. После этого ее попросили уйти или заняться пошивом транспарантов, а еще она услышала, что кто-то назвал ее надменной тупой

немкой.

– Разыщи Отто. Он тебе понравится – у него твой непокорный дух, – хладнокровно заметила Элизабет. – Правда, Эрнест и Англия почти выдавили из тебя бунтарство, которым ты отличалась в детстве. Но я не забыла, как ты швырялась гнилыми яблоками в несчастных солдат, ныряла голышом и писала под грушевые деревья, бесстыдница.

Она умолкла и рассмеялась.

– Причем у тебя не выходило. Помнишь, как струйка бежала прямо по твоей ноге?

– Это было давно, – засмеялась в ответ Фрида.

– А помнишь, как ты ныряла в пруд в Шварцвальде, распугивая лягушек? – Элизабет вновь расхохоталась, теребя жемчужные пуговицы на блузке. – Я знаю прекрасное место для купания. Тебе не понадобится купальный костюм. Мы часто бываем там с Отто, Эдгаром и Фанни.

– Все вместе... без одежды?

Мысленным взором Фрида увидела, как они лежат голые на нагретых солнцем камнях, покрасневшие от солнечных лучей и распустившиеся, как цветы; в небе лениво плывут облака, а в траве мерцают катарантусы и колокольчики.

– Озеро глубокое, и там можно нырять.

– Нырять, – задумчиво повторила Фрида, и это слово вдруг показалось ей самым прекрасным на свете.

Глава 14

Фрида

В кафе «Стефани» кипела жизнь. Мужчины в разномастной одежде пили кофе и читали газеты. Женщины с распущенными волосами в бархатных накидках и коротких кожаных штанах ледерхозен беседовали над ломтиками мраморного торта. Фрида узнала кое-кого по прошлому вечеру; некоторые строчили в блокнотах или делали зарисовки. Какой-то бородач колдовал у мольберта, источающего запах краски и скипидара. В комнате с бильярдными столами Фрида заметила Мариетту в черных бриджах и шелковом цилиндре, с важным видом ходившую между столами, размахивая хлыстом. «Даже в этих шахматистах больше жизни, чем в любом завсегдатае таверны в Ноттингеме», – подумала Фрида и спросила у официанта, пробежавшего мимо с пивными кружками над головой:

– Где я могу найти доктора Отто Гросса?

Тот кивнул на двух женщин и мужчину, склонившегося над столом с пустыми стаканами и кофейными чашками. На них падал широкий луч шелковистого солнечного света, танцевавший на стаканах и бросающий отблески на пол вокруг стола.

Фрида немедленно узнала Отто: это он кричал «ничего не подавляйте», когда раздевалась Мариетта, а потом небреж-

но дотронулся до бриджей и помог ей расстегнуть ширинку. Он совсем не походил на врачей, к которым обращалась Фрида в Ноттингеме, когда Барби обсыпало, а у Эльзы ни с того ни с сего началась диарея. Она смотрела, очарованная его золотыми волосами, которые торчали непослушными вихрами, тяжестью плеч, длинными жилистыми руками. Появилась Мариетта, прошелестела мимо Фриды и остановилась перед столом Отто, сделав обиженную мину и взмахнув хлыстом. Отто рассмеялся, ловко поймал рукой кончик хлыста и показал, чтобы она уходила.

– Извините, вы ждете Отто?

Женщина с короткой мужской стрижкой постучала Фриду по руке.

– Сейчас, должно быть, ваша очередь? Не позволяйте Мариетте влезть без очереди. Она думает, что ей все можно.

Незнакомка рассмеялась и протянула руку.

– Фанни цу Ревентлоу.

Фрида с завистью заметила, что из-под свободного платья с восточными узорами выглядывают босые ноги с ногтями, неряшливо выкрашенными фиолетовой масляной краской. Не успела она представиться, как Фанни взяла ее за талию и подтолкнула к столу.

– Идите, – шепнула она.

Фрида сглотнула, у нее пересохло во рту.

– Я сестра Элизабет Яффе, меня зовут миссис Уикли.

– А, миссис Уикли из Англии!

Отто откинулся на спинку кресла и посмотрел на Фриду так пристально, что ее охватило волнение. Он похлопал по пустому месту рядом с собой.

– Присаживайтесь. Вы красивее своей сестры. Она мне этого не говорила.

Фрида опустила взгляд на свою длинную темно-синюю юбку с туго затянутым корсетом и испытала приступ стыда.

– Настоящая красавица у нас – Нуш, – взяв себя в руки, сказала она.

– А вы, значит, разрываетесь между красотой и умом?

Отто галантно открыл портсигар.

– Не то чтобы разрываюсь... – засмеялась она, смело потянувшись за сигаретой.

Эрнесту не нравились курящие женщины, но Фрида надеялась, что курение придаст ей более современный вид и отвлечет внимание от заурядной одежды.

Взяв сигарету, она почувствовала себя мятежницей. По спине пробежали мурашки.

– Расскажите о своем браке.

Отто кивнул на ее обручальное кольцо и устремил на Фриду выжидающий и любопытный взгляд. Она чувствовала тепло его ноги под столом и мягкость бархатной подушки. Все звуки исчезли. Слышались только пульс на запястье и стук сердца под блузкой, вдруг прилипшей к подмышкам.

– Вам здесь нравится, не так ли, миссис Уикли? В вашей

душе что-то меняется. Я вижу это по сиянию глаз.

Она потрясенно отпрянула.

– Мюнхен теперь – центр мира. У нас больше поэтов, художников, философов, чем в любой столице. – Он выпустил густой столб дыма. – Однако в данный момент меня интересуют только вы, миссис Уикли.

Внутри что-то шевельнулось и расслабилось. Ей снова девять лет. Она стоит у озера. Ветер развеивает волосы. Барон подгоняет ее, колотя прикладом винтовки по упавшему дереву.

– *Покажи своим сестрам, как нырять, Фрицль. Ныряй, мой мальчик!*

Фрицль? Мальчик? Да, Vater...

– Доктор Гросс, не могли бы вы объяснить, в чем суть ваших терапевтических бесед?

Он наклонился к ней, погладил пальцем усы.

– Только если ты будешь звать меня Отто. У нас здесь все просто, без формальностей. Мюнхен – город революции.

Глава 15

Фрида

На следующей неделе Фрида каждый день посещала кафе «Стефани», беседовала с Отто, затем обедала с завсегдатаями – художниками и философами. Каждый раз Отто подбрасывал какую-нибудь новую идею, настолько смелую, что ей требовалось несколько минут, чтобы ее принять. Мир без войн и армий. Страны без правительств. Города, где женщины носят мужскую одежду и ходят с распущенными волосами, а мужчины носят женскую одежду и отрачивают длинные волосы. Места, где дети воспитываются, не зная, кто их родители. Общество без законов, религии или учреждений, где люди любят, но не вступают в брак.

За переполненными столами, над которыми вился сигаретный дым, друзья Отто превозносили его талант. Нетерпеливо выплескивалось из кружек пиво. Бежали по мраморным столешницам кофейные ручейки. Из тарелок и ртов вылетали крошки черного хлеба. Льняные салфетки вытирали вспотевшие лбы. Голоса сливались в громкий неразборчивый рокот. Стучали кулаки. Гремела посуда. Развевались кимоно.

– Ты должна поехать в Аскону, – сказала как-то раз Фанни, за обе щеки уписывая *Wurstsalat*.

– О нет, – ответила Фрида. – У меня в Англии муж и дети.

Фанни так расхохоталась, что колокольчики на щиколотках зазвенели.

– Неужели ты можешь вернуться ко всему этому? Не смеши меня!

А позже, за кофе, Фанни наклонилась к ней и прошептала.

– Ты еще не спала с Отто?

Фрида покачала головой.

– Должно быть, он в тебя влюблен, – понизила голос Фанни. – С твоей стороны будет ужасной глупостью вернуться домой, не воспользовавшись всеми преимуществами терапии. Это приносит освобождение. Тебе сестра наверняка рассказала?

Фрида кивнула.

– Мой муж – хороший человек.

Фанни фыркнула и зазвенела браслетами.

– Ты чересчур старомодна! Женщины добьются свободы, только если станут сексуально равными мужчинам и не будут ограничивать себя одним человеком, который обращается с ними как с движимым имуществом.

Позже Отто взял ее за руку и прижался губами к тыльной стороне ладони. Его усы щекотали кожу, и по телу пробежали мурашки. Когда он поднял голову, мысль о том, чтобы переспать с ним, уже не казалась Фриде настолько дикой или возмутительной. Зачем еще Элизабет послала ее к нему?

Зародыш идеи прорастал во тьме всю ночь, заставляя Фриду бессонно ворочаться в постели. Она старалась не за-

мечать этот зародыш, а потом хотела задушить и выбросить. Однако мысль возвращалась, с каждым разом все ярче и заманчивее. Почему нельзя испытать экстаз, которым хвасталась Элизабет? Преклонение и свободу, о которых распиналась Нуш? Что ей мешает? Фрида спала беспокойно и проснулась, изнывая от желания. Она умылась, быстро привела себя в порядок и поспешила в кафе «Стефани». Монти и остальных детей увели в зоопарк, так что перед ней лежало долгое, яркое и соблазнительное утро.

В кафе было тихо. У окна делали наброски художники. В углу склонились над шахматной доской двое шахматистов. Официанты поливали пальмы в горшках и вытирали пыль с медных карнизов. Фрида села за столик напротив дверей и заказала кофе и венский шницель. Она чувствовала, как внутри что-то медленно распускается. Словно открыла старую книгу и нашла меж страниц засушенный цветок. Слегка поблекший, плоский, с оборванными по краям лепестками. И все же цветок. Целый.

Официант принес шницель и кофе, и Фрида начала резать мясо, не сводя глаз с двери. Она вдруг почувствовала острый укол вины. Еще не поздно передумать. Не придется обманывать ни Элизабет, ни Эрнеста. Она может уйти, вернуться домой и собрать вещи. Надо думать о матери, которую распутство отца сделало ожесточенной и мстительной. О ненависти, которая бушевала между ними.

Ничего не получалось. Она могла думать только об Отто,

о его стройном теле, о его пробуждающих к жизни словах.

Качнулась на петлях дверь. Он вошел, остановившись на мгновение в дверном проеме, в ореоле струящегося с улицы солнечного света. На секунду его силуэт выделился темным контуром, но, когда Отто поспешил к ней, эффект исчез.

Он сел рядом, затушил сигарету и стал искать в кармане другую. Фрида воспользовалась случаем рассмотреть его и увидела сквозь тонкий хлопок рубашки грудь – две золотые песчаные дюны, гладкие, теплые и податливые. Отто сидел так близко, что она чувствовала запах древесного дыма, исходивший из его пор, и что-то другое: запах мужской кожи, решила она. Ей нравился этот аромат, которого она очень давно не слышала. Позже она задавалась вопросом, не этот ли опьяняющий запах заставил ее так прямо и без обиняков выпалить:

– Можно я тоже буду твоей любовницей?

Ее бросило в жар. Горячая волна поднялась по затылку, залила лицо и кожу головы. Фрида опустила взгляд в тарелку, но, несмотря на смущение, почувствовала триумфальный трепет. Впервые в жизни она потянулась к тому, чего хотела, забыв о приличиях и уместности. Она сама сделала выбор и приняла решение.

– Мне нравится твоя прямота. Как ты знаешь, я верю, что нельзя подавлять свои чувства.

Отто вставил в мундштук слоновой кости новую сигарету, зажег и выпустил тонкую струйку дыма.

– Сексуальная свобода – единственное лекарство, в котором нуждается мир. Такие женщины, как ты – не испорченные добродетелью, христианством, демократией, патриархией, – наше будущее. Женщины, которые не боятся требовать, чего хотят, которым хватает смелости жить в своем теле.

Его слова прожигали насквозь, и, пока он говорил, прошлое медленно отодвигалось. Она словно остановилась на рубеже, после которого нет возврата. Рука Отто скользнула ей на колено. И это прикосновение тоже несло в себе обещание чего-то нового и необычного.

– Я хочу избавиться от всех своих запретов. Поможешь мне?

Она отодвинула тарелку, салфетка упала на пол.

– Тебе придется делить меня с моей женой, с твоей сестрой и с некоторыми пациентками. Я не верю, что один человек имеет право владеть другим.

Он смотрел на нее пристальным, изучающим взглядом, от которого она чувствовала себя цветком, раскрывающимся на солнце.

Фрида кивнула. На рубашке Отто не хватало нескольких пуговиц, и в этих местах виднелось тело. Ей безумно захотелось прикоснуться к нему, засунуть пальцы под рубашку и почувствовать тепло. Перед ее мысленным взором возник образ Эрнеста, утопающего в любимом коричневом кресле и сжимающего в руке, покрытой венами и испещренной пигментными пятнами, стакан темного пива. Как получилось,

что Отто прекрасно ее понимает, а она замужем за человеком, который ее почти не знает, смотрит на нее и не видит?

– Ты на многое способна. Но ты должна свергнуть патриархов твоей жизни, пока они тебя не уничтожили. – Он провел большим пальцем по контуру ее губ и отстранился. – Я пишу статью о типах личности. Хочешь прочесть?

Фрида подумала, что ослышалась. Эрнест никогда не просил ее почитать свои работы. В самом начале семейной жизни она предлагала помощь, просила его рассказать об исследованиях или о студентах. Он, смеясь, отмахивался, словно это было нечто невообразимое, абсурдное. А однажды заявил, что у нее недостаточно подготовленный ум, и от этой фразы у нее по спине пробежал холодок.

– Пойдем ко мне.

Отто взял ее руку, подержал в своих, позволяя почувствовать ток, который пробежал между ними.

– Я никогда не желал никого так сильно, как тебя.

Он прижал ее руку к своему гулко бьющемуся сердцу.

Фрида внезапно ощутила свою наготу под платьем, под нижней юбкой, под сорочкой, корсетом и панталонами.

– Да, – сказала она. – Да.

Глава 16

Фрида

– Я должна сказать Элизабет.

Фрида провела пальцем по груди Отто, над трепещущим сердцем, по извилистой линии волос, разрезающей живот. Две ночи с Отто способствовали преобразению, суть которого она не могла облечь в слова. Вместо вялой, безжизненной крови в венах струились электрические искры, превращающие ее в нового человека. После первого акта любви Фрида открыла глаза и обозрела все вокруг словно впервые. «Как новорожденный младенец, впервые увидевший мир», – ошеломленно подумала она, лежа в объятиях Отто, тяжело дыша, и почему-то вспомнила первые минуты жизни Монти. Глаза, которым была всего одна минута от роду, удивленно смотрели на нее, на Эрнеста, на свечи, догорающие на подоконнике. Насколько ярким и сияющим должен был казаться ему окружающий мир! Как ей в эту минуту.

В последующие минуты она испытывала странное ощущение, словно пребывает вне времени и пространства, между небом и землей. Отто продолжал рассуждать о революции и анархии, о том, как психоанализ изменит мир, а она лежала в блаженной истоме, слыша только стук ветра в оконные стекла, церковные колокола и перезвон молочных бидонов, выгружаемых из тележки. Но теперь надо подумать о сестре.

– Ты еще ей не сказала? – удивленно поднял глаза от своих записей Отто.

Он сидел рядом и лихорадочно строчил в блокноте, записывая все о ней для статьи о типах личности.

– Нет.

Фрида откинулась на валик дивана и закрыла глаза. Рядом с Отто она казалась себе великолепной и непобедимой, но, как только вспомнила о необходимости признаться Элизабет, это чувство улетучилось. Она смутно подозревала, что сестре не понравится их сближение и та попытается как-то утвердить свою власть. Как в детстве.

– Она не станет возражать. Элизабет верит в свободную любовь. – Отто беспечно взъерошил залитые солнцем рыжие вихры. – Она будет счастлива делить меня со своей сестрой, как счастлива делить меня с лучшей подругой, моей женой.

Он рассмеялся и притянул Фриду к себе.

– Здесь, в Швабинге, мы верим в сексуальную революцию и гибель патриархата.

– Расскажи мне об этом месте в Швейцарии, об Асконе.

Фрида зарылась лицом в его грудь. Она любила, когда он говорил о революции. Ей нравилось, как падают и летят его слова, точно акробаты в цирке.

– Революция уже началась, Фрида. В Асконе мы боремся с семейным патриархатом. Вся еда, имущество и дети там общие.

Отто отодвинул блокнот и поднял голову.

– Это единственное место в мире, где женщины свободны – потому что в семье нет власти отца. Одиночества тоже нет, ведь все равны и по-настоящему заботятся друг о друге.

– Нет одиночества?

Она вздрогнула, вспомнив свою жизнь в Ноттингеме. Долгие годы ее спасали от одиночества только книги. Однажды зимним днем Фрида совершила поразительное открытие: после замужества она стала еще более одинокой.

– Нет, – решительно произнес Отто. – Мы будем там счастливы, любовь моя.

Фрида взяла из лужи чернил, растекающихся по листу, ручку Отто.

– А детям там хорошо?

– Там всем хорошо. Никто не испорчен собственностью, властью. Люди полностью свободны!

Он отобрал у нее ручку и наполнил из чернильницы рядом с кроватью.

– Перевернись.

Она легла на живот, почувствовала, как кончик пера царапает ягодицы, вдохнула кожаный запах диванной подушки.

«В Асконе я могла бы носить кожаные штаны – подумала она. – И чулки горохово-зеленого цвета». Перед глазами промелькнула картина: Монти, Эльза и Барби бредут голышом через мелкий ручей, а стайки серебряных рыбок плавают у их ног и кусают за пальцы.

– Эрнест никогда не позволял детям бегать без одежды, –

сказала Фрида, приподняв голову. — Однажды я повезла их на море, и они целую неделю бегали голышом. Я боялась, что они ему расскажут.

— Возьми с собой детей. Мы сможем делать что захотим, следовать зову тела, сердца, чувств. Мы станем свободными духами. Самими собой!

«Это все, чего я хочу, — подумала Фрида. — Быть собой. Всего лишь быть собой. Почему это так трудно, так тяжело?» Она почувствовала на ягодицах теплое дыхание Отто.

— Что ты написал?

— Женщина будущего.

Он вновь подул на надпись.

— Ты мне всю жизнь снилась. Я не знал, что это ты, а теперь понимаю: это был пророческий сон о том, сколь совершенной может быть женщина. Ваши суффражистки не понимают, что женщина не в силах стать свободной, пока не отпустит свою сексуальность. Акт любви — маленькая революция.

Его голос взлетал, опускался и кружил по комнате.

— Я никогда не встречал женщины, до такой степени сексуально свободной, как ты. Естественной, непосредственной, способной отдаваться и получать наслаждение, тогда как все остальные представительницы вашего пола сухи и зажаты от постоянного подавления чувственности. Это своего рода гениальность, Фрида.

— Значит, я гений? — рассмеялась она.

— Да, гений жизни. Тебя держали в заточении в... этом,

как его...

– В Ноттингеме, – подсказала она.

– От самого этого слова несет преисподней. Полетели со мной!

Он притянул ее к себе, так что перехватило дыхание, прижался губами к губам и поцеловал с такой безудержной страстью, словно это был их последний поцелуй и он хотел навсегда запечатлеть его в памяти.

Глава 17

Эрнест

В среду Эрнест, как обычно, вернулся с урока для местных шахтеров и рабочих после десяти часов вечера. Урок выдался не лучший. Он сделал все возможное, чтобы заинтересовать учеников, но усталость лишила его выступление привычного блеска. Ему также не удалось сдержать зевоту, когда начались поэтические чтения, хотя ученики читали замечательные произведения прекрасного английского поэта, лорда Теннисона.

Миссис Бэббит оставила ему стакан стаута и бутерброд с сыром, однако Эрнест так устал, что не мог есть. Он задумался, не слишком ли много набрал уроков и экзаменационных работ. Видимо, переоценил свои силы. Но ответственность за семью давила на его сутулые плечи тяжким бременем, и он твердо решил, что Фрида должна иметь роскошную лондонскую шляпу с перьями. Если заказать шляпу вовремя, ее можно будет надеть в церковь на праздник сбора урожая в сентябре.

Недавно Эрнесту опять начал сниться рабочий дом, вблизи которого он жил в детстве. Он понятия не имел, почему его преследует этот сон, тем не менее после отъезда Фриды и Монти не прошло ни одной ночи, чтобы он не очнулся, холодный и вспотевший, от сна, в котором его вместе

со всей семьей тащат босиком в рабочий дом. Пожалуй, сегодня лучше лечь в супружеской спальне, на широкий мягкий матрас с запахом жены на подушке. Эрнест скучал по Фриде. По тому, как она ходит по дому с небрежной, ленивой грацией, которой обладают только высшие классы. Скучал даже по грохочущему фортепиано и невыразительному пению. Без нее дом казался слишком тихим, пустым и унылым.

Он поднялся в детскую и посмотрел на спящих дочерей, изумляясь, какими умиротворенными и счастливыми они выглядят. Эрнест любил смотреть, как спят дети; жаль, что в последнее время редко удастся застать их бодрствующими. Он забрался в постель Фриды и вдохнул ее запах. Интересно, думает ли о нем жена, лежа в гостевой спальне в доме Элизабет. «Наверное, она сейчас тихонько похрапывает», – с улыбкой подумал он.

А может, пьет чай с Элизабет и обсуждает «Анну Каренину». Или детей. Конечно, превосходная логика Элизабет и ее выдающиеся познания в экономике поставят мозги Фриды на место. «Бридж, – подумал он. – Надо найти ей бридж-клуб». Эрнест терпеть не мог карточные игры, однако жена профессора Киппинга недавно упомянула, что бридж вошел в моду в высшем дамском обществе Ноттингема. Да, надо поискать бридж-клуб.

Позже, так и не сумев уснуть, он прокрался в свою комнату и нашел Библию. В детстве отец каждый день читал

ему Библию. И теперь, когда его мучила бессонница, он наугад открывал Библию и читал, пока не одолевал сон. Только нельзя терять бдительность, иначе одно обольстительное слово вызовет путешествие по филологическим и этимологическим тропам, которое приведет его в такое возбуждение, что о сне останется лишь мечтать. Любое слово, даже числительное, местоимение, предлог или союзы – все что угодно могло отправить его разум по спирали сквозь пространство и время, заставляя перебирать все знакомые языки.

Эрнест зажег лампу и открыл Библию.

«Однако я говорю: поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожделений плоти, ибо плоть желает противоположного духу, а дух – противоположного плоти: они друг другу противятся, так что вы не то делаете, что хотели бы...»

Глава 18

Монти

Монти проснулся от громких голосов матери и тети Элизабет. Он знал, что сейчас ночь, потому что сквозь ставни не просвечивало солнце и очень хотелось спать.

Он зевнул, потянулся и протер глаза. Книга так и лежала на кровати. Должно быть, он уснул, читая.

Монти откинул одеяло. Надо поговорить с мамой: ее не было дома весь день, и тетя Элизабет злилась и страшно шумела, убирая посуду после чая. Обычно она не прикасалась к посуде, ведь для этого есть прислуга, а вчера сама убирала тарелки, звенела приборами, гневно сдернула со стола скатерть. Он тихо вышел в коридор. Тетя Элизабет говорила очень громко. И очень сердито.

– Поверить не могу, Фрида! Как ты могла?

– Ты же проповедуешь свободную любовь! Я думала, ты порадуешься за меня.

Монти наострил уши. Свободная любовь – это интересно.

– У него есть я! И жена – кстати, моя лучшая подруга. И иногда ему приходится помогать своим пациенткам. А ты ему не нужна.

Монти услышал яростный шелест тетушкиных юбок и стук каблуков.

– Ты же сама посоветовала мне терапевтические беседы. Разве ты не подразумевала...

– Конечно нет! Ты бы хоть об Эрнесте подумала.

Монти крался по коридору, пока не замер у двери в гостиную. Он знал, что подслушивать нехорошо, но очень уж хотелось рассказать маме о железной дороге Фриделя и попросить такую же на Рождество.

– Почему мы не можем его делить? Тебе что, жалко?

– Исключено, Фрида. Мы сестры, это почти инцест.

– Глупости!

– Ты ничего не понимаешь. Забудь о нем.

Голос тети Элизабет задрожал, как будто она сейчас заплачет. Монти притих. Он не хотел, чтобы тетя плакала.

– Чего я не понимаю? Он хочет увезти меня и детей в Аскону. Честно говоря, для меня это огромное искушение. Похоже, у них там настоящая революция. Мне нравится идея жизни в коммуне... никакой собственности... не надо втыкать в голову шпильки и заковывать ребра в корсет. И вообще, Отто считает, что в Ноттингеме я трачу свою жизнь впустую.

Монти замер. О чем она говорит? Увезти его и Эльзу с Барби – куда? И почему мама говорит о нижнем белье?

– Не будь душой, Фрида! Правда заключается в том...

Наступила долгая тишина. Монти слышал, как кровь стучит в ушах. А потом заговорила мама – громко и сердито.

– Ты ревнуешь! Ты не хочешь со мной делиться. Где же

твоя свободная любовь? Ты лицемерка, Элизабет. Завистливая лицемерка!

Монти вжался в стену. Он никогда не слышал, чтобы мама так кричала. Он хотел тихонько вернуться в свою комнату, но если они услышат, то подумают, что он шпионит, и ему влетит. И он остался стоять, будто ноги приросли к полу. Тетя Элизабет заговорила очень тихо, почти неслышно – ему приходилось напрягать слух.

– У меня будет ребенок. От Отто.

Наступила тишина, такая долгая и глубокая, что Монти испугался, как бы они не услышали стук его сердца через стену.

– Отто знает?

– Еще бы ему не знать! От него рождает половина Мюнхена.

– Ты уйдешь от Эдгара? – едва слышно прошептала мама.

– Конечно нет. Эдгар воспитает этого ребенка как своего. Ты знаешь, что жена Отто тоже беременна?

Тетя Элизабет вздохнула, потом скрипнул стул, как будто она села. Монти тихонько попятился. Он не хотел больше ничего слышать. Не хотел, чтобы его застукали. Он хотел просто читать свою книжку. Внезапно он превратился в Робин Гуда, который садится на коня, натягивает поводья и скачет галопом по зеленым лугам в Шервудский лес. Мимо полян с колокольчиками, через лощины, заросшие пушистым ломоносом, напоминающим стариковскую бороду, ма-

линовой фотинией и борщевиком, все дальше и дальше. Над головой взмывали стрижи, рассыпались во все стороны со-роки, кружили в небе сарычи. А Монти все скакал и скакал.

– Монти! Что ты здесь делаешь? – раздался вдруг острый, как кусок стекла, голос тети Элизабет.

– Я захотел пить.

Он опустил голову, лицо горело. Вышла мама, обняла его.

– *Oh mein Liebling*. Ну-ка, скорее в постель. Уже очень поздно.

Он прижался к маме, вдохнул ее запах и почувствовал, что она пахнет неправильно; не ландышами и не фиалками, как ее любимое мыло. И в этой стычке с тетей Элизабет тоже было что-то неправильное. Мама никогда не повышала голоса и ни с кем не спорила. Позже Монти задумывался, не приснилась ли ему вся эта история.

Глава 19

Фрида

Узнав, что Элизабет носит ребенка Отто, Фрида испытала какое-то не совсем понятное чувство. Конечно, ее ужасно раздражал эгоизм сестры, поведение которой шло вразрез со всеми идеями Отто. И в то же время в ее раздражении таился какой-то гадкий зеленый осадок. «Зависть, – неохотно признала она. – Я завидую тому, что у Элизабет будет ребенок Отто». Элизабет вновь удалось заполучить то, чего Фрида отчаянно желала для себя; это мучило и унижало, обесценивая вновь обретенное чувство свободы.

Появление этого ребенка все меняет. Как можно продолжать роман с Отто, если ее родная сестра носит его ребенка? Если Элизабет против?.. Рука непроизвольно метнулась к животу. А если она тоже?.. Ей страстно хотелось вынашивать ребенка Отто, чтобы их что-то связывало. «Странно, с Эрнестом ничего подобного не было. Каждый из детей – Монти, Эльза и Барби – маленькое чудо, совершенно не связанное с отдаленным функциональным актом, благодаря которому появилось на свет. Ребенок Отто – другое дело. Это дитя станет символом, знаком надежды и любви. Отто чувствует то же самое. Накануне он бросился ей в ноги, умоляя родить ему ребенка. «Это будет гений, – сказал он. – Свободный дух, который вырастет вместе с остальными моими

детьми в Асконе».

Раньше Фрида не замечала его непоколебимого уважения к материнству, к матриархату. Она постоянно думала о том, насколько лучше был бы мир, если бы больше людей приняли взгляды Отто на матриархальное общество, как в Асконе. Аскона... слово таяло на языке сладким нектаром. Ее дети играют босиком в ручье, их волосы развеваются на ветру, желтое солнце ласкает бледную кожу, над ними простирается огромное яркое небо. Вместо грязного, закопченного Ноттингема они будут видеть ослепительные альпийские вершины и сверкающие бриллиантами озера с залитыми солнцем берегами. Дети, растущие свободно, как горные цветы.

На следующее утро, сидя на кровати Монти и глядя его по голове, Фрида почувствовала, что зависть уходит, уступая место глубокой безмятежности. Теперь она могла прикасаться к сыну, а не цепляться за него. Необъяснимая смесь отстраненности и любви. Довольство и нега.

– Хочешь пойти в кафе «Стефани» и познакомиться с моим новым другом? – спросила Фрида.

Она лелеяла смутную надежду, что они все вместе уедут жить в Аскону, хотя понятия не имела, когда и как это произойдет. Порой идея начинала казаться смехотворной и невозможной, однако время от времени Фрида давала волю фантазии и вновь начинала надеяться.

– Да! – обрадовался Монти. – А можно мне кусочек пи-

рога?

В кафе, полном народу, стоял пьянящий запах сигар и русских папирос, на столах виднелись липкие следы пролитого накануне шнапса. В углу, как всегда, буйствовали анархисты, а у барной стойки поэты читали друг другу только что написанные стихи. Отто выскочил из бильярдной, окликнул Фриду и щелкнул пальцами, подзывая официанта.

– Кофе. И что-нибудь мальчику... Яблочный штрудель!

– Это Монти, старший из моих детей, – сказала она.

– Здравствуй, Монти! Ты такой большой, а как похож на свою красавицу мать! – Отто взъерошил мальчику волосы. – Хотел бы участвовать в революции? А жить в раю? Похоже, ты чрезвычайно одаренный мальчик, Монти. Но домашнее хозяйство, патриархат и отцы способны уничтожить любого гения. Сыновья должны подняться и восстать. Необходимо искоренить отцов во всех обличьях. Ты готов бороться?

Он хлопнул Монти по плечу.

– Не обращай внимания, любовь моя. Мой новый друг очень возбудим. Давайте сядем у окна.

Отто сел с ними за стол. Он беспокойно притопывал ногами, окликал друзей и приятелей. Фриде нестерпимо хотелось обнять его за шею, сказать, что чувствует, как меняется ее жизнь, но не знает, что теперь делать, как быть с сестрой. Она посмотрела на Монти, налившего огромную лужу сливок в тарелку с яблочным штруделем, и ее чувства вернулись к сыну. «Я как стрелка компаса, – подумала она, – прыгаю от

одного человека, которого люблю, к другому». Когда Монти пошел посмотреть на шахматистов, Отто наклонился к ней и прошептал:

– Меня пригласили выступить на конференции в Амстердаме. Сможешь туда приехать? В сентябре?

Фрида кивнула, уже зная, что найдет способ.

– И мы вместе распланируем нашу дальнейшую жизнь. Без тебя у меня нет будущего. Мой гений полностью зависит от тебя, возлюбленная моя. Мне очень понравился твой сын. Возьми его с собой, привези всех своих детей.

– А ребенок, которого родит тебе моя сестра? – спросила она спокойным и ровным тоном.

– Он будет расти вместе с нашим ребенком. Все они могут расти в Асконе. В Асконе хватит любви на всех.

Отто прикурил ей сигарету и посмотрел на горящую спичку.

– Психология бессознательного – вот философия революции, которую должны возглавить женщины. Первой настоящей революцией будет та, которая объединит женщину, свободу и дух в единое целое. Ты, любимая, поможешь строить в Асконе новый мир.

Фрида закрыла глаза. Жующие, глотающие люди, запахи кофе и хлеба – все исчезло. Несколько секунд она думала только об этом обещанном рае. О своем истинном «я», о том, как она будет работать вместе с Отто над его блестящими идеями в новом Эдеме, где их будет тревожить только крик

чибисов и смех детей.

– Меня ждут пациенты, – вскочив с места, объявил Отто. – Скоро вернусь.

Фрида кивнула и вновь прикрыла глаза, уплывая в свою мечту об Асконе, чистую и великолепную.

– Что значит ис-коренить?

Она открыла глаза. Монти вернулся от шахматистов и озабоченно отряхивал брюки.

– Это значит избавиться.

– Почему твой друг хочет ис-коренить отцов?

Фрида засмеялась.

– Он мечтает изменить мир, чтобы им правили не только мужчины. Он мечтает уничтожить патриархат. Садись, я расскажу тебе о храбром новом мире, где нет армий, войн и ненависти, а только любовь и добро.

Глава 20

Фрида

На следующий день Элизабет объявила, что возвращается в Гейдельберг – помогать Максу Веберу писать книгу о религиях Востока. Фрида восприняла слова сестры как скрытое позволение продолжать роман с Отто. Она с удивлением поняла, что интеллектуально насыщенная жизнь Элизабет, которую та вечно выставляла напоказ, впервые за все время не вызывает у нее ни малейшего чувства зависти. Она приписывала свое спокойствие влиянию Отто, который привлек ее к своим исследованиям, особенно к работе над новой теорией о типах личности. Их вечера теперь проходили по обычному сценарию. Она перечитывала его заметки о чертах характера за угловым столиком в кафе «Стефани», вносила дополнения и замечания. После вдохновенных обсуждений приходило желание, словно невыносимый голод. Они удалялись в комнаты и несколько безумных часов занимались любовью.

За два вечера до возвращения в Англию Фрида пришла домой и обнаружила, что Элизабет ждет ее в гостиной, баюкая живот.

– Я думала, ты вернешься завтра.

Фрида поспешно пригладила волосы. От нее разило Отто – крепким, мускусным запахом.

– Мы с Эдгаром хотим, чтобы ты прекратила эту нелепую

интрижку.

Фрида вспыхнула, внутри что-то щелкнуло.

– Я помогаю ему с работой, позволяя лучше понять, как работает человеческий мозг. Он говорит, что я единственная по-настоящему раскованная женщина, которую он встречал в жизни.

Господи, неужели она это сказала? Слова повисли между ними, как провода. Губы Элизабет сжались в тонкую белую полоску. Она скрестила руки на груди.

– У меня будет его ребенок, а не у тебя.

– Думаю, у меня тоже.

Фрида мрачно посмотрела в окно, ее рука машинально потянулась к животу – последние несколько часов внутри как будто что-то шевелилось.

– Не сочиняй! Откуда ты можешь знать так скоро?

– Почему ты не хочешь делить его со мной?

– Потому что ты моя сестра!

Элизабет подошла к вазе с лилиями и щелкнула пальцем по увядающей головке цветка. На пол упало облачко желтой пыли.

– Кроме того, Эрнест никогда не согласится на открытый брак.

– Просто мы с Отто хотим быть вместе. Я знаю, тебя он тоже любит...

– Отто не способен любить. Он интеллектуальный гений и несравненный любовник, но этим его достоинства исчерпы-

ваются. – Элизабет многозначительно похлопала по своему животу. – Зачем бы, по-твоему, я просила Эдгара воспитывать этого ребенка?

– У тебя есть и Отто, и Эдгар. Да еще братья Веберы. Почему я не могу иметь кого-то, кто меня ценит, вдохновляет? Я тоже хочу получить свою долю удовольствия и счастья.

– Если ты намерена предложить открытый брак Эрнесту, ты сошла с ума, – презрительно рассмеялась Элизабет. – Это безумие, преступление.

Фрида сердито потеряла виски.

– Я хочу взять детей и уехать в Аскону.

«Где люди поддерживают друг друга, где все равны и свободны, и живут без обид и ревности», – обиженно подумала она.

Элизабет сердито уставилась на нее.

– Не смейся меня. У Отто нет денег, и он не понимает, что такое ответственность.

– Я ему помогаю, Элизабет. Мы трудимся над его идеями, над его статьями – вместе. Как вы с Эдгаром. И с Максом Вебером. Я чувствую себя нужной, ему и себе.

Фрида слышала в своем голосе умоляющие нотки, однако Элизабет не сводила с нее сердитого взгляда, и она продолжала:

– Все эти мысли и идеи приходили ко мне в Ноттингеме, во всяком случае зачатки идей, только я не знала, как облечь их в слова. Он помог мне понять саму себя, увидеть, кто я

есть на самом деле.

Элизабет презрительно потрясла головой.

– Прекрасно. Если ты настаиваешь на продолжении этой интрижки, я не могу тебе помешать. Только Эрнест остается в неведении. Я не особенно тепло отношусь к Эрнесту, но он вас обеспечивает. Мы, женщины, ничего не стоим, если нас некому обеспечивать. Разве что ты сама...

– И как, по-твоему, это возможно? С тремя детьми на руках, не имея образования?

В комнате повисла тишина. За окном таякнула собака, загремела цепь. Фрида подумала о давно забытой девочке, которая бежала, задыхаясь, следом за гончими барона. Отто спас эту девчушку, отпустил на свободу, вернул из мертвых. Разве можно его оставить? Ловушка вновь захлопнется, луч надежды погаснет...

Часть III

Ноттингем, 1907

Как поступить, вот в чем вопрос. Насколько далеко можно зайти, как стать собой?
ДЭВИД ГЕРБЕРТ ЛОУРЕНС, «РАДУГА»

Глава 21

Фрида

– Ты не наша мамочка. Ты надела шкуру нашей мамы, но ты совсем другая.

Голубые глаза Эльзы поймали взгляд Фриды над обеденным столом.

– Что ты выдумываешь! Наверное, у меня просто волосы стали гуще от немецкой еды.

Фрида взволнованно провела рукой по волосам и сбросила салфетку на колени.

– У меня изменились волосы, Эрнест?

– Что? – непонимающе уставился на нее супруг.

– Я говорю, волосы, они стали гуще?

Руки под столом теребили салфетку, обрывая края. Фриду уязвили слова дочери, хотя она понимала, что Эльза права.

Она изменилась.

– Вы оба прекрасно выглядите. Было очень жарко?

Эрнест повернулся к Монти.

– А как вам понравилась немецкая еда, юноша?

Фрида смотрела, как Монти раскладывает кусочки отварной картошки вокруг свиной отбивной с толстой корочкой. Она задумалась над словами Эльзы: «ты не наша мамочка». Несмотря на утомительную дорогу, она чувствовала невыносимую легкость. Ее переполняла головокружительная радость от времени, проведенного с Отто. Наверное, так чувствует себя сбежавшая канарейка, когда возвращается в клетку. Питают ли ее сила бунта, радость парящего полета, даже когда она возвращается в плен? Или птица поет, потому что осознала свои возможности, и у нее внутри теплится окрыляющая надежда сбежать вновь? Фрида вспомнила о поездке в Амстердам, запланированной Отто, и подумала о ребенке, который, быть может, уже растет в ее утробе. По телу пробежала дрожь, и на секунду она почувствовала такую легкость, что схватилась за сиденье стула, чтобы не улететь.

– Что интересного в Мюнхене, кроме военного могущества кайзера?

Эрнест неторопливо отхлебнул воды. Фрида подумала, что у нее есть шанс. Возможно, если она познакомит мужа с новыми идеями, заполонившими Германию, он изменится. Как Эдгар. По крайней мере, будет с кем поговорить. «Мужайся!» – произнес внутренний голос. Она сделала глубокий

вдох, как перед прыжком в пропасть.

– Ты слышал о докторе Фрейде? О его идеях говорит весь Мюнхен.

– И чем же прославился этот доктор? Нашел наконец лекарство от брюшного тифа?

– О нет, все значительно интереснее. Он исследует наши подавленные чувства, неудовлетворенные желания и побуждения.

– Что-что?

Эрнест напрягся и поставил стакан на стол.

– Побуждения, которые мы загоняем внутрь. Потребность любить. Доктор Фрейд считает, что мы все это бессознательно подавляем.

Фрида говорила спокойно и уверенно, надеясь, что с ее помощью Эрнест преодолест многочисленные наслоения ограничений, которые управляют его жизнью. Возможно, увидит наконец, кем она была и кем стала. Нельзя продолжать этот фарс, в котором она играет чужую роль. Несправедливо по отношению к обоим. Особенно если появится еще один ребенок, ребенок Отто. Сможет ли Эрнест проявить такую же щедрость и благородство, как Эдгар по отношению к Элизабет?

– А еще в Мюнхене много вегетарианцев. Они не едят мяса, – переменила тему Фрида, надеясь, что эта встретит лучший отклик.

– Распогодилось. Погуляй с детьми после обеда.

Эрнест так крепко сжимал вилку и нож, что побелели костяшки пальцев.

– Я хочу пойти к ручейку с рыбками, у меня есть банка из-под варенья, – восторженно закричала Барби. – Пожалуйста!

– Конечно, *meine Liebling*. Обязательно пойдем!

Фрида схватила Барби на руки и уткнулась носом в мягкие пушистые волосики. Исходивший от них запах сирени и мокрой травы успокоил ее сердце. Как только дети вышли из-за стола и отправились одеваться, Эрнест повернулся к ней.

– Ты находишь это уместным, Фрида?

Она отодвинула тарелку в сторону и спрятала руки под стол. Пальцы сжимали салфетку, лежащую на коленях.

– Ты же сам спросил, Эрнест, о чем говорят в Мюнхене. Там говорят о наших самых глубоких стремлениях и подавленных желаниях.

Она попыталась поймать его взгляд, но муж смотрел на спецовник. А когда заговорил, его голос был сдавленным и напряженным.

– Мы больше не будем вести никаких разговоров об идиотских сексуальных идеях этого доктора. Ни за ужином, ни в гостиной, ни в спальне.

Фрида вскипела. Как можно быть настолько ограниченным и нетерпимым?.. Она открыла рот, чтобы дать достойный ответ, но в последний момент решила подавить раздражение. Нельзя позволить Эрнесту разрушить ее новое на-

строение, иначе дверца клетки захлопнется. Она будет хранить эту чудесную, счастливую легкость так долго, как только сможет, по крайней мере, пока не доберется до Амстердама, чтобы вновь увидеть Отто.

Руки продолжали теревить салфетку.

– Еще там говорят о возвращении к язычеству, когда мужчины обожествляли женщин и преклонялись перед женской тайной.

– Так что мне, продать дом, рассчитать слуг и переехать в пещеру? – сухо поинтересовался Эрнест. – Ты будешь целыми днями высекать огонь кремнем, а я – гоняться за дикими кабанами. Или мне следует поклоняться твоему святилищу? – Он насмешливо хохотнул. – Если Германия занята такими важными делами, мы можем не бояться кайзера.

– Почему ты никогда не принимаешь меня всерьез?

– Я думал, там только и говорят о планах кайзера. В газетах каждый день появляются бряцающие оружием заголовки. Очевидно, немецкое вторжение неизбежно. Хотя жителей Мюнхена это, видимо, не беспокоит.

– Знаешь, Эрнест, в Мюнхене я курила. Там все курят. Мюнхенские врачи утверждают, что табак полезен для женского здоровья. Я хотела бы курить и здесь.

В уголках глаз закипали сердитые слезы, и Фрида сжала в кулаке салфетку, решив не сдаваться. Ни за что не заплачу! Пусть только попробует запретить. Я буду бороться!

– Поскольку я курю трубку, с моей стороны было бы

невежливо не позволять тебе время от времени выкурить сигарету.

Эрнест помолчал, и линия его подбородка смягчилась.

– На мой взгляд, настоящей леди не подобает курить, но, если это полезно для твоего здоровья, как я могу возражать? Только, будь добра, не на публике. И в каменной пещере, где нам вскоре предстоит поселиться, тоже не надо.

Эрнест встал и чмокнул ее в щеку. Когда дверь за ним закрылась, Фрида закусила губу и бросила салфетку на пол. Почему он всегда над ней смеется и не хочет обсуждать серьезные вопросы? Или она недостаточно ясно и красноречиво излагает свои мысли, дает волю чувствам? И почему он хочет обсуждать только войну и газеты, когда мир гудит новыми теориями о том, как жить? Его реакция, резкая и насмешливая, предполагала, что он считает новые идеи оскорбительными. Может, он просто испугался? Неужели в этом дело?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.